12+

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Дамаскин

№3 (28) сентябрь 2014 года

245 лет ордену Святого Георгия

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Дамаскин

№3 (28)

сентябрь 2014

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

Главный редактор
протоиерей Александр Мякинин

Заместитель главного редактора
А. М. Хамидулин

Редакционный совет
священник Василий Спирин,
А. В. Дьяконов, Е. В. Плисов,
священник Сергий Ларюшкин,
иеромонах Лаврентий (Собко)

Вёрстка В. Г. Кочнев

Редактор-корректор О. В. Куранова

Фото
Б. Л. Николаев, А. М. Хамидулин

Учредитель и издатель
НП ПЦ «Глагол»

Директор И. В. Мещан

Адрес
603086, Нижний Новгород,
Ярмарочный проезд, д. 10

Адрес редакции
603001, Нижний Новгород,
Похвалинский съезд, д. 5
Нижегородская духовная семинария
Тел.: (831) 430–50–64
E-mail: seminary.nn@gmail.com
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–41809 от 02.09.2010
Подписной индекс 51299

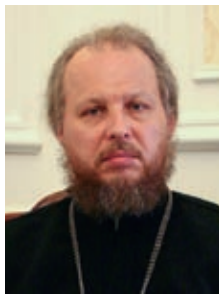
Тираж 2600 экз.

Печать: типография «Ридо»

603074, Нижний Новгород,
ул. Шаляпина, д. 2а

Дата выхода: 8 октября 2014 г.

Цена свободная



Слово главного редактора

Между Церковью и миром всегда идёт спор о смыслах. Употребление разными людьми одних и тех же слов не означает единомыслия: одни и те же слова могут заключать в себе совершенно разные понятия. Христианам постоянно приходится проверять свои слова на верность их подлинному смыслу, а себя — на соответствие своей вере.

В очередном выпуске журнала Нижегородской духовной семинарии речь пойдёт о мужестве и героизме в их христианском понимании. Есть ли мужество в духовной нищете и кротости, героизм — в мученичестве, сила — в терпении? Ответы на эти вопросы не очевидны для наших современников, которым чаще всего предлагается «взять от жизни всё», неудержимо стремиться к богатству, славе и удовольствиям в качестве истинных ценностей жизни...

Многовековой духовный опыт Церкви открыт для желающих обогатиться им. Там можно отыскать утраченные смыслы и обрести верные ориентиры, чтобы жизнь не прошла напрасно, но достигла своей цели, которую задумал для неё Бог.

Первый проректор Нижегородской духовной семинарии,
доцент, митрофорный протоиерей Александр Мякинин

В 2014 году исполняется 245 лет со дня учреждения императрицей Екатериной II ордена Святого Георгия. Эта исключительно почётная для офицеров награда предназначалась для отличия конкретных подвигов в военное время, связанных с проявлением особого мужества, личной храбрости и самоотверженности на поле боя. «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают право быть пожалованным сим орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливым каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для Нашей воинской службы полезные советы... Сей орден никогда не снимать: ибо заслугами оный приобретается» — сказано в статуте ордена 1769 г. Орден Святого Георгия за долгий век своего существования в России стал не только знаком высоких заслуг перед Отечеством, но и символом самого Мужества и Героизма, олицетворяющихся изображённым на ордене образом Великомученика и Победоносца Георгия, поражающего змея. Кавалеры ордена совершали отважные подвиги, рисковали собственной жизнью и спасали жизни многих своих соотечественников.

Теме мужества и героизма посвящён настоящий номер журнала.

Священник Василий Спирин, преподаватель Нижегородской духовной семинарии, главный редактор епархиальных СМИ

Время героев близко

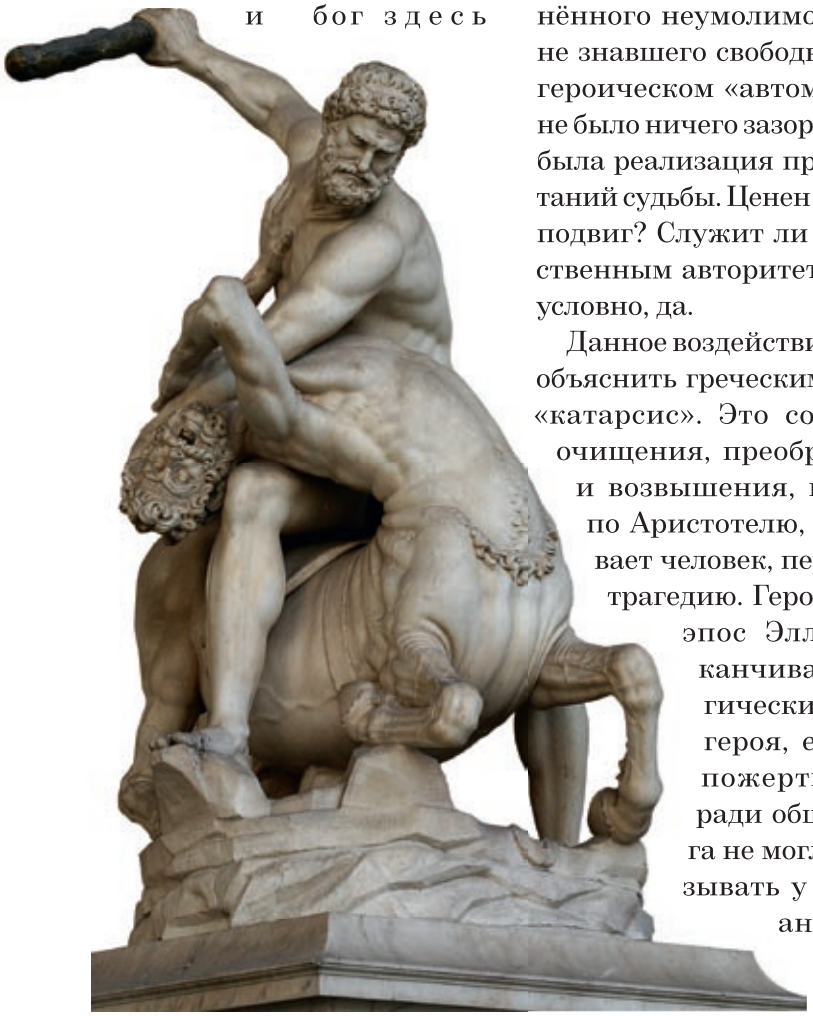
Любое общество в любую эпоху нуждается в своих героях. Яркие образы героического поведения укрепляют народный дух и делают нацию жизнеспособным субъектом исторического развития. По героям всегда можно судить о состоянии народа и государства. Что увековечивает героя в народной памяти? Почему его подвиг вдохновляет? Можно ли обойтись без героев? И если да, то каково оно — общество, лишённое героического?

«...Так погребали они конеборного Гектора тело»

Понятие «герой» пришло к нам из античной культуры. В памяти всплывают имена участников Троянской войны — Ахилла, Агамемнона, Гектора; живо предстают подвиги Геракла, Тесея, аргонавтов... Древняя Эллада создала прекрасные образы, на которых возрастала европейская культура.

В героизме античных воинов есть одна принципиальная черта — этот героизм предопределён им судьбой. Слово «герой» в буквальном смысле означало человека, рождённого от бога и земной женщины или от богини и земного мужчины. В силу сверхъестественного факта рождения герои обладали исключительной силой, мужеством и доблестью, однако были лишены бессмертия, главного отличительного признака античных богов. Предназначение героев

заключалось в том, чтобы, совершая подвиги, достичь вечной жизни. Иногда они её достигали: вспомним Геракла, душу которого из огненного костра принимает Гера и вводит на Олимп. Иногда со смертью, гибелью героя его существование оканчивалось, как это случилось с Ахиллом. Но в любом случае, «они были уже бессмертными, и бог здесь был ни при чём» (Р. Рождественский) — народная память обессмертивала героев.



Подвиги были частью их судьбы, тем жизненным сценарием, который они не выбирали. Даже за видимостью выбора, как в случае с Гераклом, просматривается действие фатума, предопределявшего к доблестным деяниям. Для античного сознания, подчинённого неумолимому року, не знавшего свободы, в этом героическом «автоматизме» не было ничего зазорного. Это была реализация предначертаний судьбы. Ценен ли такой подвиг? Служит ли он нравственным авторитетом? Безусловно, да.

Данное воздействие можно объяснить греческим словом «катарсис». Это состояние очищения, преображения и возвышения, которые, по Аристотелю, испытывает человек, переживая трагедию. Героический эпос Эллады заканчивался трагически. Смерть героя, его самопожертвование ради общего блага не могли не вызывать у зрителя античного театра или слушателя поэтической декламации чувство катарсиса. И даже если умереть герою предназначено судьбой, и он в прямом смысле слова не выбирает свой путь и не способен от него уклониться, его подвиг глубоко запечатлевается в душе.

Особенное значение имеет жертвенная (в том числе символическая) смерть царей-героев, например царя Эдипа. Подобные сюжеты менее известны массовому читателю, но более важны с религиозно-мировоззренческой точки зрения. В них находят отражение мистериальные традиции древнегреческой религии, глубоко скрытые за общепринятыми версиями мифов. Добровольная смерть царя-героя оказывается искупительной жертвой для народа. Эдип, признавший себя нарушителем божественных и человеческих законов, ослепляет сам себя и уходит из города, спасая Фивы от моровой язвы. Его символическая смерть становится очистительной жертвой, восстанавливающей космическую гармонию.

В героизме античных воинов есть одна принципиальная черта — этот героизм предопределён им судьбой.

«Яко жертву непорочную прими мя»

Образы смерти героев не утратили своего воспитательного значения и с наступлением христианской эпохи. Феномен мученичества, возникший ещё в апостольские времена, стал основой для формирования представлений о христианском героизме. С античностью

их роднит главное: герой добровольно принимает смерть или страдания ради других. В понимании христиан смерть или страдания за Христа, но не только, — ещё и свидетельство о своей вере. Мученик, как известно, есть свидетель, то есть проповедник слова Божиего, и его проповедь страданиями и смертью — это безусловный пример как для верных, так и для неверных.

Однако героизм мучеников имеет и отличительные особенности, вытекающие из христианского учения. Античный герой предопределяется к подвигу судьбой, он избранник, превосходящий всех остальных людей. В христианстве идея предопределения опровергается учением об абсолютной свободе человека, так что каждый может стать героем Церкви, приняв страдания и смерть за Христа. Нельзя сказать, что христианство вытеснило язычество по этой причине, но полностью игнорировать данный факт невозможно: в ответ на элитарный характер античного героизма Церковь провозгласила героизм всех верующих, фактически героизм самого слабого. Тот, кто не мог и подумать о том, чтобы стать героем в древнегреческом понимании, становился героем в Церкви. Уподобиться в доблести Гераклу невозможно. Но можно уподобиться Самому Христу.

Эта перспектива открывала Церкви уникальные возможности в нравственном преобразовании мира. Эпоха мученичества прекратилась, но сам дух подвига за Христа и для

Феномен мученичества, возникший ещё в апостольские времена, стал основой для формирования представлений о христианском героизме. В христианстве идея предопределения опровергается учением об абсолютной свободе человека, так что каждый может стать героем Церкви, приняв страдания и смерть за Христа.

Христа трансформировался в идею повседневного христианского героизма — служения ближнему. Можно упомянуть и монашество, в котором идея подвига актуализируется до такой степени, что вся жизнь монаха становится мученичеством. На подобных установках возрастало общество, в котором везде, начиная с быта и заканчивая высоким искусством, воплощались божественные смыслы, задавая безусловную вертикаль ценностей, поведенческих стратегий, жизненных сценариев. Разумеется, средневековое общество не было идеальным. Но оно было нравственно гораздо здоровее нашего.

Эпоха мученичества прекратилась, но сам дух подвига за Христа и для Христа трансформировался в идею повседневного христианского героизма — служения ближнему.

Миссия выполнима

На протяжении нескольких столетий европейцы упорно разрушали эту вертикаль, а вместе с ней и сложившийся иконостас античных и средневековых героев. Сама идея жертвенной смерти стала высмеиваться ещё в эпоху Возрождения. Лоренцо Валла, этот гедонист XV века, язвительно говорил: «Я не могу в достаточной степени понять, почему кто-то хочет умереть за родину. Ты умираешь, так как не желаешь, чтобы погибла родина, словно с твоей гибелью не погибнет и она» («О наслаждении»). Но только сейчас, в эпоху постмодерна, эти слова стали поистине «плотью и кровью» западного человека. Героизм как феномен был вытеснен из сферы общественных ценностей и отдан на откуп массовой культуре.

Типичный сценарий голливудского фильма включает следующие обязательные элементы сюжета: всеобщая катастрофа, коварный злодей, желающий погубить город/страну/планету, и супермен, спасающий мир. Масс-культовый герой — это

«накаченный» красавец с белозубой улыбкой, запросто спасающий очаровательную женщину, а заодно и всё человечество, на глазах ахнувших зрителей, которые, впечатлившись, даже на пару минут забывают жевать поп-корн. Шаблонность этой схемы, тем не менее, позволяет киноиндустрии ежегодно выпускать очередные порции кассовых фильмов, востребованных миллионами зрителей. Но даже героизм подобного типа не воспринимается аудиторией серьёзно, так как все понимают, что это постановка, зрелище, спектакль: «Мы долго плы-

Масс-культовый герой — это «накаченный» красавец с белозубой улыбкой, запросто спасающий очаровательную женщину, а заодно и всё человечество, на глазах ахнувших зрителей, которые, впечатлившись, даже на пару минут забывают жевать поп-корн.

ли в декорациях моря, но вот они — фанера и клей» (Б. Гребенщиков).

Многое написано (особенно у критиков современности) о том, что западное общество производит каскад визуальных образов не только и не столько с целью прибыли. Отношения «товар-деньги-товар», о которых писал Маркс, уже давно остались в прошлом. Теперь акцент делается не на производстве, а на потреблении, в первую очередь визуальных образов. Формируется жёсткая матрица «общества спектакля», основная цель которой — сохранение самой себя, то есть воспроизводство личностей, предназначенных к наслаждению, а значит полностью лишённых представлений о долге, служении, жертве.

Как известно, жизненные ценности закладываются в детско-подростковом возрасте, дети легко воспринимают и глубоко усваивают феномен героизма и самопожертвования. Поэтому для современной массовой культуры важно сформировать потребителя именно на этом этапе. Отсюда поток современных героев: космический воин, черепашка-ниндзя, человек-паук. Ребёнок не может прожить без сказки, поэтому важно, чтобы сказка эта была полностью оторвана от реальности, дабы он не подумал переносить героические схемы в реальную жизнь. Пусть примеры истинного героизма (если они вообще есть в современной масс-культуре) навсегда ассоциируются у него с выдумкой, представлением, виртуальной реальностью. А затем, войдя во взрослую жизнь, он будет пассивным созерцателем подвигов суперменов, успешных дельцов и героев-любовников.

Герой киноиндустрии (в смысле «центральный

персонаж») — это субъект с амбивалентной системой ценностей. Он не выражает ни абсолютного добра, ни абсолютного зла. В нём намеренно подчёркиваются человеческие слабости и недостатки. Он плоть от плоти человек, такой же, как зритель (чтобы не вызвать у зрителя комплекс неполноценности), он «в доску свой парень». Свои «подвиги» он совершает визуально эффектно; пройдя через огонь и воду, остаётся в живых и счастливо благоденствует. Он не способен к подлинной жертве, и поэтому его популярность кратковременна и одномоментна. На смену такому «герою» быстро приходит множество других, подобных ему, и само это коловращение «спасителей человечества» делает перекормленного зрителя апатичным и вялым.

Возвращение героя

Год назад мне довелось принимать участие в студенческом «круглом столе» в одном из нижегородских вузов. Встреча была посвящена героизму. Тогда от разговора у меня осталось нерадостное впечатление: ребята показались мне эгоистичными («подвиг может помешать учёбе и обустройству в жизни») и малопатриотичными («в „этой“ стране ты никому не нужен»). Слушая, как молодые люди обмениваются мнениями, я подумал: «А если завтра война?» (тогда, год назад, её ещё ничто не предвещало), пойдут ли эти студенты добровольцами на фронт, как в 1941-м?..

Этим летом состоялся грандиозный крестный ход из Хоткова в Троице-Сергиеву Лавру в дни празднования памяти преподобного Сергия Радонежского. Тысячи паломников прошли по жаре несколько часов, чтобы повторить путь, которым не раз ходил и сам Преподобный. И хотя мировой кинопрокат на новый кассовый фильм способен собрать неизмеримо большее число зрителей, ни один из них не захочет приложить элементарного усилия ради киношного героя — между ними нет онтологической связи.

...Сегодня вновь отчётливо слышится поступь истории. Возвращается время героев.

Тысячи паломников прошли по жаре несколько часов, чтобы повторить путь, которым не раз ходил и сам Преподобный. И хотя мировой кинопрокат на новый кассовый фильм способен собрать неизмеримо большее число зрителей, ни один из них не захочет приложить элементарного усилия ради киношного героя — между ними нет онтологической связи.

А. В. Ворохобов, преподаватель Нижегородской духовной семинарии

Мужественность и героизм

Иисус Христос — Сын истинного Бога. Он — Логос, Слово Божие, ставшее плотью и принявшее всю человеческую природу. Он — совершенно и полностью Человек, то есть имеет тело, душу, ум и волю. В то же время Он — полное выражение Бога. Сын единоприроден Отцу и Духу.

Эти догматы были выработаны в спорах первых столетий бытия Церкви, проводя границы, в пределах которых христиане должны думать о Христе. Нельзя считать, что Его когда-то не было, как учили ариане, или что Он не имел человеческой воли, как думали монофелиты. Эти богословские и философские формулировки, хотя и необходимы для охранения и сохранения веры Церкви, не выражают, однако, всех аспектов бытия Христа и того, что мы можем о Нём думать. Мы не живём логическими доводами, но — более той истиной, которую они могут выразить, более символами и ощущениями. Иисус Христос в Священном Писании — страдающий Раб Божий, Агнец Божий, верный и истинный, Сын человеческий. Все эти образы волнуют ум и сердце, содействуя в преображении всего человека, который не является только лишь носителем интеллекта. Один из таких ярких образов для нас — образ Христа как героя.

Если обратиться к лексикографии, то героем является: 1) человек, совершивший подвиг, проявивший личное мужество, самоотверженность, готовность

к самопожертвованию (народный, национальный герой); 2) тот, кто привлёк к себе внимание, вызвал всеобщий интерес, восхищение и является предметом поклонения, образцом для подражания (герой улицы); 3) лицо, воплощающее в себе характерные черты своей эпохи, среды, субкультуры (герой нашего времени); 4) главное действующее лицо художественного произведения (герой романа, пьесы, фильма, компьютерной игры и пр.). Слово «герой» происходит от греческого слова ἥρως (латинское *herus*): богатырь, витязь, полубог, защитник, спасающий, сохраняющий.

Часто мы неопределённо говорим о любом храбром человеке как о герое. Храбрость, несомненно, важна для героизма, но не она делает человека героем. Если обратиться к истории, то можно наблюдать очевидную последовательность в действиях людей, которых позже стали считать героями. Герой оставляет повседневный мир, сталкивается с трудностями, страданиями и даже смертью, изменяется через все эти испытания и затем возвращается к обычной жизни в качестве прославленного правителя. Это обычный образец героизма, который обнаруживается уже в Эпосе о Гильгамеше и затем во множестве других повествований. История героя была исследована фольклористами, литературоведами и психоаналитиками. Однако ключ присутствия героя в истории, как кажется, находится не в фольклорных заимствованиях, мифах об умирающей и вновь возвращающейся к жизни природе или архетипах, но, скорее, в природе каждого мальчика, который становится мужчиной. Герой универсален, потому что он несёт в себе те черты, какими должен обладать каждый мужчина.

История героя почти универсальна, поскольку, в основном, это история людей, которые пытаются стать мужественными. Но что такое мужественность? В качестве элементов сюда входят такие качества, как напористость или агрессия. Ещё Аристотель описывал мужчину как активного, а женщину как пассивного человека.

Гильгамеш

Но всё же мужественность должна быть понята не как состояние, а как процесс. Мужественность и женственность — не просто социальные роли, связанные с репродукцией, но целостный процесс становления ребёнка в зрелого человека.

Первый факт человеческой природы, на котором основывается мужественность, — это то, что мальчик рождается от женщины. В начале у всех детей присутствует размытое сознание; другими словами, младенец не отличает себя от матери. Но постепенно он начинает понимать, что

Герой оставляет повседневный мир, сталкивается с трудностями, страданиями и даже смертью, изменяется через все эти испытания и затем возвращается к обычной жизни в качестве прославленного правителя. Это обычный образец героизма, который обнаруживается уже в Эпосе о Гильгамеше и затем во множестве других повествований.

его мать — другой человек, а не просто его придаток. К этому осознанию приходят и мальчики, и девочки. Однако мальчик осознаёт ещё и следующее: хотя мать — и самый близкий ему в мире человек, но сам он не должен становиться и быть женщиной и матерью. Такая установка лежит в основе уникального процесса разделения, когда мальчик преобразовывается в мужчину.

Второй факт человеческой природы, на котором базируется мужественность, это то, что в процессе воспроизводства мужчина «менее нужный», чем женщина. Так, мужчина может участвовать в зачатии ребёнка и вскоре умереть. Вероятно, поэтому (в том числе) общества возлагают на мужчин более опасные задачи, чем на женщин. У женщин имеется опасность погибнуть во время родов — в наше время она уменьшилась, но не исчезла совсем. Мужчины не сталкиваются с такой опасностью, но сталкиваются с множеством разнообразных других. Они могут нырять за жемчугом в южных морях, охотиться на львов в Африке или работать на лесоповале... Разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин говорит о том, что жизнь жёстко обходится с первыми.

Третий факт человеческой природы, касающийся мужественности, это то, что мужчины по своей природе более агрессивны, чем женщины. Степень агрессивности разнится, но для всех, кто наблюдает за мальчиками, проходящими стадию половой зрелости, очевидно, что тестостерон питает агрессию.

Эти наблюдения объясняют причину мужской напористости. Напористость чаще используется в чисто эгоистичных целях и для самосохранения, но может быть направлена и на пользу обществу, когда мужчина выполняет какие-то опасные и необходимые обществу задания. Опасность может исходить от природных явлений, от животных, от других людей, опасность могут представлять и экономические силы. Общества должны учить своих мужчин быть напористыми и самоотверженными, и это непростая комбинация качеств.

Если мужественность нередко приводит к ранней смерти, то как мужчины убеждаются в том, что они должны стать мужественными, чтобы стать настоящими мужчинами? Уклонение от боли и самосохранение свойственны всем живым существам. И всё-таки практически все общества разработали свои идеологии мужественности, представляющие собой образцы самопожертвования. Но как можно убедить мужчин следовать этой идеологии? Как люди могут быть убеждены в том, что они должны действовать вопреки инстинкту самосохранения и жертвовать собой для блага других?

Издревле идеология мужественности внушалась мальчикам через ритуалы и повествования. Некоторые учёные предполагают, что повествования о героях происходят из ритуалов, но более вероятно, что повествования и ритуалы возникают

Уклонение от боли и самосохранение свойственны всем живым существам. И всё-таки практически все общества разработали свои идеологии мужественности, представляющие собой образцы самопожертвования.

Зигфрид

из идеологии мужественности, которую мальчики должны воспринять, чтобы стать мужчинами.

Обряды инициации (посвящения), или перехода, которые обычно происходят во время половой зрелости, встречаются во всём мире. Мальчика забирают от матери и из мира женщин и подвергают различным испытаниям. В первобытных обществах это часто было связано с болью, обрезанием, нанесением лёгких ударов ножом или бичеванием. Иногда мальчики могли даже умереть во время этих ритуалов. Но они должны были научиться встречать опасность без боязни. Обряды, зачастую, воспроизводили ритуальную смерть, после которой, будучи рождённым заново, мальчик мог без страха столкнуться с опасностями, угрожавшими его сообществу. В конечном счёте, он мог снова соединиться с миром женщин, женясь и порождая детей, но теперь как защитник и добытчик.

В более развитых обществах нет каких-то единообразных ритуалов, потому что и трудности, с которыми сталкиваются мужчины, весьма многообразны. Мальчики и мужчины проходят множество испытаний и никогда не могут полностью утвердиться в том, что они сделали всё, что нужно. У древних греков, как кажется, не было подлинных ритуалов половой зрелости; скорее, у них были спортивные мероприятия, сражения и путешествия, которые человек должен был переживать неоднократно, всякий раз доказывая, что он мужчина.

Таким образом, мужественность воплощает в себе изначальное единство, затем разделение и, наконец, воссоединение, в то время как женственность является сохранением единства, борьбой за него.

Все линии истории и все человеческие повествования находят своё завершение и исполнение в Священной истории, зафиксированной в Писании. Тема героизма, одна из ключевых тем человечества, также раскрыта на страницах Библии.

Все линии истории и все человеческие повествования находят своё завершение и исполнение в Священной истории, зафиксированной в Писании. Тема героизма, одна из ключевых тем человечества, также раскрыта на страницах Библии. Как и всё сотворённое в этом мире, героизм имеет двойное значение. Иисус Христос исполняет, исправляет и превосходит человеческий героизм.

Жизнь Христа — жизнь героя. Он таинственно рождается, в 12 лет оставляет безопасный мир семьи, когда говорит Своей Матери о том, что Ему нужно быть в доме Своего Отца, и затем, в начале Своего общественного служения, Он совершенно оставляет мир повседневной жизни. Преданный друзьями, Христос умирает на кресте, приобретая опыт богооставленности. В умирании и смерти безгрешный Иисус «стал грехом» — взял на Себя вину всех нас, чтобы спасти всё человечество. Он вступил в борьбу с первобытным всепожирающим монстром, скрывающимся во внешней тьме, чудовищем, которое фигурирует во всех страшных повествованиях человечества, как бы оно ни называлось и ни изображалось. Это чудовище — смерть. Христос, как и все герои, противостоит смерти, входит в смерть и одерживает над ней победу. Но то, что другие герои делают в художественных произведениях, Христос делает в реальности. Своей смертью Он побеждает смерть и возвращается к Отцу, приводя с Собой всё творение, которое Он спас от смерти. На древних иконах Воскресения Иисус Христос одной рукой извлекает из могилы Адама, а другой рукой Еву. Его божественная власть и сила струятся через Его руки, со следами от распятия, которые теперь дают жизнь вселенной.

Героев восхваляют, потому что они на некоторое время спасают своих людей от опасности и смерти. А Иисус Христос спас всю вселенную. Он был совершенно преображён Своим столкновением со смертью, и через Него это преображение вливается во всё творение. Он — Бог-герой. Как победоносные императоры, Он участвует в триумфе, но Его победа — над всеми силами зла, которые Он лишил силы и взял в плен (Еф. 4: 8). В Апокалипсисе космическая борьба изображена как сражение между драконом и всадником на белом коне — Словом Божиим: *«И увидел я зверя, и царей земных, и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его. И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою;*

Все герои стремились спасти других и потому сталкивались со смертью. Но лишь Богочеловек Иисус Христос действительно сделал это, умерев по послушанию.

а прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его» (Апок. 19: 19–21).

Но у человеческого героизма есть своя тёмная сторона, из-за которой такой героизм может приобретать антихристианские черты. Образ героя часто связан с образом воина, и в обоих присутствует опасный элемент, коренящийся в мужественности. Это то, что в древнем Риме называлось *furor heroicus* — военным исступлением, где *furor* означает «бешенство», «ярость», «неистовство». Так, к примеру, Ахиллес, который в героических сказаниях древних греков является храбрейшим из героев, во время сражений теряет практически все человеческие черты. Его окружает огонь, поскольку в пылу битвы он превращается в древнюю всеразрушающую силу. Обычный мужчина даже вне сражения нередко бывает опасен для окружающих, поскольку силы, коренящиеся в идеологии мужественности, могут разрушить общество. Агрессия легко переходит в необузданный гнев, что провоцирует нападение внешних сил или же вызывает внутренние войны,

которые разрушительны для содружества людей.

Опасность героизма и мужественности состоит в том, что человек перед лицом смерти может слишком долго «глядеть в пропасть» и влюбиться в смерть. И тогда он может разрушить общество, которое, как предполагается, защищает. Насилие, совершённое молодыми людьми, наполняет историю бесконечными ужасами. Одна из причин того, что мир был столь малонаселённым в течение многих тысячелетий, заключается также и в том, что мужчины постоянно убивали друг друга, а заодно женщин и детей из противостоящих групп. Примечательно, что в самом начале истории человечества брат убивает брата. Государства попытались, более или менее успешно, управлять мужской агрессивностью, направляя её так, чтобы она, по крайней мере, не разрушила общество.

Христос является образцом героизма в неожиданной форме. Он не подвигает евреев к победоносной войне против римлян для того, чтобы восстановить царство отца Своего Давида. Вместо этого Он ведёт войну против реальных сил зла, скрывающихся за фасадом истории. Настоящий враг Бога — не император, но дух, князь этого мира; дух, который в начале восстал против Бога. Христос победил этот дух противления Своим собственным послушанием. В Своём человечестве Он

Проявления христианского героизма и мужественности и похожи, и столь отличны от обычных человеческих проявлений героизма и мужественности, к которым призваны все мужчины. Это реальные героизм и мужественность, и ранняя Церковь отчётливо это осознала.

сделал то, чего не мог сделать как Бог: повиновался Отцу Своему. До воплощения невозможно говорить о Его повиновении и подчинении Отцу, поскольку у всех Лиц Троицы — одна воля (всеблагая), общее желание (всемогущее), единственное дело (любовь), по слову святителя Афанасия Великого. В воплощении же Сын получил волю, отличную от воли Отца, и именно поэтому перед страданиями и смертью Его человеческая природа испытывала ужас. Своим послушанием Христос сделал праведными многих. *«Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принёс молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Своё благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного»* (Евр. 5: 7–9). Он показал истинный героизм, преодолев Свою человеческую природу, быв послушлив до смерти, чтобы спасти Своих братьев. Все герои стремились спасти других и потому сталкивались со смертью. Но лишь Богочеловек Иисус Христос действительно сделал это, умерев по послушанию.

Такое повиновение отличает героизм Христа от подвигов других знаменитых героев. Они стремились быть мужественными и не бояться смерти, дабы предохранить свои имена и деяния от забвения. Иисус также сделал это, но Его самоотречение было бо́льшим, поскольку Он совершенно подчинился Отцу, Который воскресил Его из мёртвых. Христос не искал славы человеческой, как это зачастую делали другие герои, но — только славы Отца Своего. Послушание Сына даёт Ему новое имя, которое превосходит все другие имена. Имена Гильгамеша, Гектора, Ахиллеса, Зигфрида и других героев исчезают в тумане легенд, но имя Иисус не теряет своей значимости с течением тысячелетий.

Именно поэтому проявления христианского героизма и мужественности и похожи, и столь отличны от обычных человеческих проявлений героизма и мужественности, к которым призваны все мужчины. Это реальные героизм и мужественность, и ранняя Церковь отчётливо это осознала. В житии святой мученицы Перпетуи содержатся её записи, сделанные ею в тюрьме — перед смертью через растерзание дикими зверями. Во сне она увидела себя на арене, где ей предстояло бороться со страшным человеком: «И я была облечена в воинскую одежду и стала воином-мужчиной, и меня умастили маслом... мы приблизились друг ко другу и начали наносить друг другу удары. Он старался схватить меня за ноги, а я била его в лицо моими каблуками. И я была поднята на воздух и стала ударять его ногами. Когда же увидала, что это слишком медленно, я схватила

У Церкви, которая есть Церковь героическая, всегда будут мученики во времена гонений и подвижники в мирное время. Аскетизм и монашество — формы мученичества.

и сжала его своими пальцами. И он упал на своё лицо, а я встала ему на голову. Вся толпа стала кричать в мою честь, а мои пособники приветствовали меня... И я проснулась и поняла, что я буду бороться не со зверями, но с диаволом. И я знаю, что меня ждёт победа». И она действительно одержала свою победу... Древняя Церковь чувствовала, что мученичество требует мужественности, не меньшей, чем у солдата или атлета.

Когда закончились гонения на Церковь первых трёх веков христианства, монах стал истинным солдатом и атлетом, истинным героем народа Божия. Битвы монаха с духовным врагом сделали его новым героем. Мужественность отцов-пустынников

> Иисус Христос спас всю вселенную. Он был совершенно преображён Своим столкновением со смертью, и через Него это преображение вливается во всё творение. Он — Бог-герой. Как победоносные императоры, Он участвует в триумфе, но Его победа — над всеми силами зла, которые *Он лишил силы и взял в плен* (Еф. 4: 8).

поразительна: они шли в опасные места и в течение многих десятилетий жили под открытым небом, даже на вершинах колонн, или молились, погрузившись по шею в северные ледяные моря.

Истории героев — также истории великой дружбы. Дружба, по мнению Цицерона, это «согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью». Слова «любовь» и «дружба» в большинстве языков мира близки по значению. Чувства, которые мужчины переносят друг на друга, обладают особым качеством. Если мужчина

и женщина могут достигнуть единства в плодотворном половом общении, то мужчины-герои достигают такого союза через страдания и смерть. Ахиллес и Патрокл, Ионафан и Давид, Гильгамеш и Энкиду — дружба их всегда отмечена смертью. В большинстве культур через смешивание крови мужчины становятся братьями.

Этот тип дружбы может быть найдён в отношениях Христа и Его учеников. Как отношения Сына с Отцом, так и отношения Иисуса и его последователей отражают единство и взаимность. Для евангелиста Иоанна друг Христа — это тот, кто делает заповеданное Иисусом (Ин. 15: 14) и кто непосредственно вовлечён в тайну спасения (Ин. 15: 15). Христос любит Своих учеников и поэтому умирает ради них. Он оставляет им Себя в таинстве Евхаристии, установив его в ночь перед Своими страданиями. Он достигает самого тесного союза с учениками, объединив их Своей жертвой. После Воскресения эта связь не прерывается. Христос трижды спрашивает Петра, любит ли тот Его. Вопросы Христа и ответы Петра указывают на особый вид братской дружбы, которую ищет Иисус. Любовь ко Христу приводит к союзу с Ним в смерти, как Он говорит об этом Петру: *«Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? [Пётр] говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. [Иисус] говорит ему: паси агнцев Моих. Ещё говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? [Пётр] говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. [Иисус] говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Пётр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты всё знаешь;*

Битвы монаха с духовным врагом сделали его новым героем. Мужественность отцов-пустынников поразительна: они шли в опасные места и в течение многих десятилетий жили под открытым небом, даже на вершинах колонн, или молились, погрузившись по шею в северные ледяные моря.

Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострёшь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведёт, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какою смертью [Пётр] прославит Бога. И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною» (Ин. 21: 15–19).

Мы можем быть объединены со Христом лишь умирая и воскресая с Ним. Речь не только о символических смерти и воскресении, но и о реальном мученичестве и смерти за Христа. Даже когда Церковь не подвергается гонениям, союз со Христом через смерть всё равно неизбежен. Ранние отшельники уходили в пустыни уже после окончания гонений, потому что боялись забыть, как иные христиане, о духовной войне, в которую они неизбежно должны быть вовлечены. У Церкви, которая есть Церковь героическая, всегда будут мученики во времена гонений и подвижники в мирное время. Аскетизм и монашество — формы мученичества. В житии аввы Иоанна монах Даниил говорит, что, возлюбив Христа, «он принёс себя как некую чистую и самопроизвольную жертву Великому Архиерею, и телом восшёл на Синайскую, а душою — на небесную гору». По слову святого Киприана Карфагенского, есть «мученичество красное» и «мученичество белое». Мученичество красное — когда христианин приносит свою жизнь в жертву во времена гонений за Христа, а белое — когда он в любви и сострадании совершает свой подвиг для людей и Церкви (здесь речь идёт и о христианском браке, радость которого — радость Креста Христова).

Таким образом, все христиане призваны к аскетизму. Аскетизм первоначально означал спортивные тренировки. Не удивительно, что апостол Павел в своих посланиях постоянно сравнивает жизнь христианина со спортивными соревнованиями, где то бегут в эстафете, то занимаются боксом... Аскетизм положен в основу Церкви, и без него церковная жизнь становится суетной.

Те из нас, кто монахи, и те, кто живёт в миру, не должны забывать, что мы — в Церкви героев. Кто-то совершает

большие подвиги, кто-то ежедневно приносит свои маленькие жертвы. Наша принадлежность к вере и спасению становится сильнее, когда мы осознаём, какая цена за это заплачена Христом. Смело и мужественно мы должны жить в мире, который не понимает нас и относится к нам с подозрением, неся ему нашу веру. Она может возрастать, когда мы видим героев веры, вспоминаем о них. Наше послушание Богу — лучший инструмент, с помощью которого Он может продолжить спасительную деятельность Христа в сегодняшнем мире. Как хорошим солдатам, нам нужно молиться о том, чтобы Бог ускорил наступление окончательной победы, которую уже одержал наш герой — Господь Иисус Христос.

Смело и мужественно мы должны жить в мире, который не понимает нас и относится к нам с подозрением, неся ему нашу веру. Она может возрастать, когда мы видим героев веры, вспоминаем о них.

Георгий Лебедев,
студент II курса магистратуры Нижегородской духовной семинарии

Образ эпического героя и сущность героизма

Слово древнегреческого происхождения «герой» (ἥρως — «доблестный муж, предводитель») имеет несколько значений: это и человек исключительной смелости и доблести, и главное действующее лицо литературного произведения; исконное же значение этого слова в античной мифологии — потомок от соединения божества и смертного человека. Изобилующее в древнегреческом эпосе, это слово вряд ли удастся отыскать в христианских текстах, как и ясный ответ на вопрос о причинах данного явления. Значит ли это, что первые христиане отвергали героизм, буквально следуя заповеди Христа о непротивлении злу (см.: Мф. 5: 39), или они просто не желали отождествлять себя с античными героями, поведение которых далеко не всегда оставалось в рамках христианской морали, — неизвестно. Однако поставить вопрос стоит: каков статус героизма в христианстве? Можно ли Иисуса Христа назвать героем? Следует ли христианину проявлять героизм?

Если расширить привычные рамки мышления, ответы здесь не всегда очевидны. Недостаточно обратиться лишь к одной из евангельских цитат, чтобы дать исчерпывающий ответ на эти вопросы. Принято считать, что герой — это тот, кто успешно ведёт борьбу со злом.

И на первый взгляд, Евангелие наполнено противоречиями в высказываниях на эту тему. Один и тот же Иисус Христос сказал: «Не противься злу» (Мф. 5: 39) и «Нет больше той любви, чем кто жизнь свою положит за друзей» (Ин. 15: 13). Один и тот же Христос обрушивался с публичной язвительной речью на фарисеев (Лк. 11: 39–52), а потом молча переносил оскорбления и избиение, послушно предав Себя на смерть. Один и тот же Христос говорил: «Не мир пришёл принести Я, но меч» (Мф. 10: 34), и Он же — Петру, отсёкшему рабу первосвященника ухо, когда стража пришла арестовать Его: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26: 52). Посылая апостолов на проповедь, Спаситель наказал им проявлять непочтение к тем, кто не будет слушать их слово, — отрясать прах от ног у входа в дом (Мф. 10: 14), и Он же резко ответил на предложение апостола Иоанна истребить город, где не послушали Его проповедь: «Не знаете, какого вы духа» (Лк. 9: 55). В конце концов, как может человек, проповедовавший непротивление злу силой, брать плеть и выгонять торгующих из храма, опрокидывая при этом столы денежных менял? Как понять эти действия Христа? В каком месте Ему стоит подражать, а в каком — нет?

Вряд ли один лишь подробный разбор евангельских мест, даже с толкованиями, закончится в этом деле успехом. Чтобы понять Иисуса Христа, необходимо нечто большее, чем знание текстов: нужно нарисовать в воображении Его образ. Сознательно или бессознательно, это делает каждый человек, хотя бы немного знакомый с Евангелием. Святые отцы не раз говорили о том, что от правильного учения о Боге зависит вся жизнь человека. Каждый верующий создаёт свой собственный образ Христа и поступает сообразно с ним, постигая Его учение. Каким будет этот образ?

Подобного набора противоречий не встретить ни в повествованиях о героях античности, ни в умиротворяющем буддизме с его призывом оставить мир, ни в воинствующем исламе, где проблема противления злу решается достаточно однозначно. Прочитав Евангелие, ни один человек не скажет: «Теперь я вижу: здесь написано, как мне поступать». Остаётся одно из двух: либо в этих противоречиях есть глубокий смысл, либо это — слова сумасшедшего.

У Гомера всё гораздо яснее и прямолинейнее. Если взять его «Одиссею», то здесь вопрос о противлении злу решается довольно категорично: зла невозможно избежать, но необходимо приложить

Именно человек призван на защиту мира от зла. Такие библейские образы, в послании апостола Павла к Ефесянам (6: 16–17), как «меч духовный», «щит веры», «шлем спасения», в которые необходимо облачиться, лишь ещё раз подтверждают этот факт.

все усилия, чтобы его уничтожить, особенно если оно касается жизни твоей страны, рода, семьи и т. п. Одиссей не спешит мстить своим невольным обидчикам (например, человеку из своей команды, который открыл мешок с ветрами, унесшими Одиссея далеко от родных берегов Итаки), но решительно и жестоко расправляется, например, с женихами своей супруги, которая так и не вышла замуж в его двадцатилетнее отсутствие. Мораль здесь, скорее, в том, что выжить должен сильнейший, мудрейший и хитрейший, что необходимо бороться за выживание, нежели в том, что необходимо противостоять мировому злу. Мир Гомера сам по себе злой — и это естественно, это та реальность, в которой живут его герои.

Не случайно нынешнему читателю многие сюжеты из античного эпоса кажутся просто дикими: смакование расправы над врагами, затаённая жажда мести... Древние же не видели в этом ничего плохого. И это говорит о том, что Евангелие реально изменило мир, изменило парадигму мышления человечества. Конечно, данный путь был подготовлен великими философами — Платоном, Аристотелем, с их понятиями Единого Бога, истины, добра и красоты. Но трудно даже представить себе, чтобы в их время говорили, к примеру, о правах и свободах человека или об угнетении меньшинств.

Обратимся к другому известнейшему литературному произведению, написанному почти через три тысячи лет после Гомера. Это «Властелин колец» Джона Р. Р. Толкина. Главный персонаж — Фродо, ничем не примечательный карлик-хоббит — становится героем, который спасает мир от зла. Его миссией стало уничтожить кольцо власти, завладев которым зло уничтожило бы всё живое на планете. Примечателен диалог Фродо и Сэма, его спутника, в минуту отчаяния Фродо, когда он потерял веру в то, что сможет уничтожить кольцо:

— Как может всё в мире снова стать по-прежнему, когда всё так плохо?.. Но в конце всё проходит. Даже самый непроглядный мрак рассеивается. Грядёт новый день... и когда засветит солнце — оно будет светить ещё ярче. Такие великие легенды врезаются в сердце и запоминаются

В христианстве не исчезает героизм, ибо он присущ самой природе человека. Но он очищается, в нём кристаллизуется всё лучшее и отметается всё худшее.

на всю жизнь, даже если ты слышал их ребёнком и не понимаешь, почему они запомнились. Мне кажется, я понимаю. Герои этих [великих] историй сто раз могли отступить, но не отступили. Они боролись, потому что им было на что опереться.

— На что мы опираемся, Сэм?

— На то, что в мире есть добро, мистер Фродо. И за него стоит бороться!

Толкин мыслит совершенно в ином русле, нежели Гомер. Он исходит из того, что «в мире есть добро», что мир изначально добр. Это, несомненно, библейский посыл: «Всё, что сотворил Бог, — хорошо весьма» (Быт. 1: 31). Однако в мир вторглось зло (Быт. 3), и зло неестественно этому миру. Именно человек призван на защиту мира от зла. Такие библейские образы, в послании апостола Павла к Ефесянам (6: 16–17), как «меч духовный», «щит веры», «шлем спасения», в которые необходимо облачиться, лишь ещё раз подтверждают этот факт.

Образ слабого, страдающего героя, который при этом спасает мир, гораздо ближе христианству, чем героизм античности. В христианстве не исчезает героизм, ибо он присущ самой природе человека. Но он очищается, в нём кристаллизуется всё лучшее и отметается всё худшее. Физическая сила — не то, что окончательно решает исход сражения. Однако основной мотив и у Гомера, и у Толкина сохраняется: стать героем означает не просто одномоментно поступить так или иначе, но — мужественно пройти длинный и утомительный путь.

Героизм — это не только определённый поступок. Поступок — лишь верхушка айсберга. Героизм — это определённый образ жизни, образ мышления, при котором человек отдаёт себя на служение Богу, людям и этому миру.

Истинный героизм — это длительная и упорная борьба со злом, которая начинается с человеческого сердца и охватывает весь мир. Дело как раз в том, что всё внешнее, видимое зло рождается именно в человеческом сердце и лишь затем материализуется и становится явным, видимым, если с ним не бороться.

В произведении известного христианского писателя XX века К. С. Льюиса «Хроники Нарнии: Покоритель зари, или Плавание на край света» есть такой эпизод. Герои на корабле приплывают на остров, где сосредоточено мировое зло, с целью отыскать последний из семи волшебных мечей, чтобы покончить с похищениями людей, которые это зло учинило. Попадая в некую тёмную пещеру, здесь каждый человек начинает представлять свои страхи и опасения — и те материализуются. В итоге король Эдмунд, представив себе огромное морское чудовище, впоследствии сражается с ним.

Этот эпизод, описанный у Льюиса, наглядно подтверждает, что каждый поступок человека — результат длительного внутреннего пути, результат борьбы внутри человеческого сердца. Христос говорил, что «добрый человек из доброго сокровища [сердца своего] выносит доброе» (Мф. 12: 35), а что можно вынести из сердца, где годами копились злоба и недовольство? Поэтому и героизм — это не только определённый поступок. Поступок — лишь верхушка айсберга. Героизм — это определённый образ жизни, образ мышления, при котором человек отдаёт себя на служение Богу, людям и этому миру.

Поэтому Иисус Христос и поступал в разных случаях по-разному. Смысл Его слов и поступков — неуклонное стремление к цели преобразить мир: через смерть к прорыву света и радости Его победного воскресения из мёртвых. Такова задача героя: шаг за шагом, деятельно нести в мир добро, преображая мир, возвращая ему утраченный облик.

Константин Суворов, студент II курса магистратуры Нижегородской духовной семинарии

Мужество нравственного и духовного подвига

В христианстве есть вполне определённое представление о подвиге и его сущности. С. И. Фудель в своей книге «Путь отцов» отмечает: «Подвиг есть прохождение узкого пути, ведущего в жизнь (Мф. 7, 14), а узкий путь означает скорбь». Важное слово здесь «прохождение»: подвиг — это не единомоментный акт, а преодоление трудности пути, ведущего в вечную жизнь. Он непременно сопряжён с крестоношением и уподоблением в этом Самому Господу Иисусу Христу. Как Христос взял на Себя крест весом в человеческий грех и нёс его всю Свою жизнь на Голгофу, где совершалось таинство человеческого спасения, так и человек призван нести свой крест, падая, поднимаясь, но креста не оставляя. В этом и есть сущность подлинного христианского подвига.

Чтобы преодолеть сложный путь, человеку необходимы силы, которые даёт ему божественная благодать. «Только благодать Божия — учат Отцы — имеет силу и власть осуществить тройственный союз совершенства, к которому человек должен мужественно устремить себя», — отмечает С. И. Фудель.

О том, как получить божественную благодать, как, устремившись к Богу, обрести силы для шествия по пути духовной жизни, говорит святитель

Феофан Затворник: «Христианин возобщён с Богом и ревнует о том, чтобы пребывать в сем общении деятельным исполнением воли Его силою благодати, в чувстве рабства Господу Иисусу Христу». Нас может несколько смутить слово «рабство». Мераб Мамардашвили в исследовании античной философии приводит своё понимание рабства: «Раб тот, кто не смог умереть», то есть тот, кто не решился рискнуть в своей жизни и пассивно отдал себя в руки судьбы. Противоположное значение имеет понятие «раб Христов». Рабство Христу заключается в добровольном подчинении своей воли по причине любви к Богу, которая настолько сильна, что человек не может более жить без Него, отдаёт в руки Божии своё сердце. Называющий себя рабом Христа готов отдать за Него свою жизнь, ибо победил в себе природный страх смерти и в любой момент готов разлучиться с этой жизнью, чтобы предстать пред Всемилостивым и Всемогущим Богом. Подлинное «рабство» в христианстве есть настоящий подвиг. Более того, рабство Христу является истинным орудием освобождения: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными», — говорит Господь

в Евангелии (Ин. 8: 32). Николай Бердяев в книге «Спасение и творчество» писал: «Когда я смиряюсь перед волей Божией, когда я побеждаю в себе рабий бунт самости, я иду от свободы и иду к свободе». Вот подлинное значение «рабства» и подвига в христианстве — свободное склонение своей воли перед Всемогущим Богом и мужественное следование за Христом, подражание Ему в крестонесении. Итак, подвиг в христианстве — это мужественное несение своего креста.

Господь в Евангелии призывает нас: «мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16: 33). Он говорит, что в нашей жизни не раз придётся встать на защиту истины, что потребует мужественности. В такие моменты мы должны вспоминать подвиг Христа, Который без малейшего страха пошёл на страдания. Но имеет ли мужество в христианстве что-то общее с тем мужеством, представление о котором актуально сейчас? Сегодня очень популярно слово «брутальность», а о настоящем мужчине принято говорить «он брутальный». Предполагаю, что большинство людей, повседневно использующих это слово, не догадываются о его подлинном значении, а между тем «брутальность» происходит от латинского «brutus» — «грубый, тяжёлый, тупой». Получается, что брутальный мужчина — это грубый, бесчувственный человек, который по мере возрастания своей грубости и агрессивности актуализирует в себе «настоящего мужчину» и, разумеется, привлекает интерес противоположного пола.

Христианин призван воплотить в своей жизни подлинное мужество, стать настоящим мужчиной и пронести свой крест через всю жизнь.

Совсем иное понимание мужественности в христианстве. «Истинное святое мужество всегда соединено с чувством глубокого смирения. Смиренный всегда готов всё претерпеть, и внутреннее и внешнее, считая себя достойным не только посылаемых скорбей, но и ещё больших», — пишет преподобный Никон Оптинский. То есть мужество в первую очередь связано со смирением. Не тот подлинно мужествен, кто демонстрирует свою силу, и тем более не тот, кто пытается самоутвердиться за счёт другого человека, а тот, кто с подлинным смирением идёт по пути, уготованному ему Богом, благодарит Его и находит в себе силы преодолевать трудности и помогать ближнему. По выражению Н. Е. Пестова, «Наряду со страхом Божиим христианин должен обладать и мужеством — бесстрашием за свою земную судьбу, основанном на глубокой вере в постоянный и благий Промысл над ним Бога». Отсутствие страха за свою земную жизнь можно назвать основным аспектом христианского понимания мужества. Более того, малодушие и страх чужды христианству, об этом пишет архиепископ Арсений (Чудовской): «Крайняя боязнь и малодушие недостойны христианина, верующего в Промысл Божий». Христианин призван воплотить в своей жизни подлинное мужество, стать настоящим мужчиной и пронести свой крест через всю жизнь. Поэтому для истинно верующего вопрос героического поступка решается сам собой — это самоотверженное, мужественное, смиренное несение своего креста, уподобление Христу без страха быть непонятым той средой и культурой, в которых он живёт. Это не демонстрация, а внутреннее движение, где не желают гласности, не боятся остаться в тени, потому что перед Всеведущим Богом ничто не может скрыться. Мужество в жизни христианина напрямую связано с такими понятиями, как нравственность и духовность.

Духовность в христианстве — это не некая сила, направленная в себя, или же стремление к природе, как говорили философы древности; духовность есть, в первую очередь, стремление к Богу. «Дух есть Бог» (Ин. 4: 24), — говорит нам Евангелие, то есть духовный человек — тот, кто в наибольшей степени причастен к Богу. Да и само стремление к Богу и есть духовность. Не уход в себя и, тем более, не жизнь в обществе делают человека духовным, а его стремление ко Христу.

«Наряду со страхом Божиим христианин должен обладать и мужеством — бесстрашием за свою земную судьбу, основанном на глубокой вере в постоянный и благий Промысл над ним Бога» (*Н. Пестов*).

Важно отметить, что отождествление нравственности и духовности есть грубая ошибка, от которой предостерегает нас Евангелие. «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая. Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 2–4). Господь остерегает нас от тщеславия, указывая, что не каждый формально нравственный поступок может быть подлинно духовным. Именно «формальный», так как, к сожалению, нормы нравственного поведения зависят как от эпохи, так и от культуры и традиций того или иного общества. Христианство же не есть набор канонов, неукоснительное соблюдение которых гарантирует спасение, христианство учит человека духовно мыслить, духовно жить. Оно открывает нам сущность предметов. Как отмечает профессор А. И. Осипов, «чем бо льшие ценности духовные присутствуют в человеке, тем больше он их скрывает». Подлинная нравственность — это не старание показать, насколько ты добрый, вежливый, отзывчивый, а невозможность жить иначе как в согласии с Духом Божием, с подлинной любовью и стремлением к Богу.

Таким образом, нравственность и духовность неразрывно связаны между собой. Точнее сказать, нравственность является следствием духовности человека. Не бывает нравственного человека, жизнь которого не духовна. Как замечательно отметил святитель Феофан, «Внешнее дело есть плод внутреннего действования». Внешнее проявление честного человека есть плод его внутреннего делания, того, как он борется со своими страстями и насколько духовную жизнь ведёт.

По христианским представлениям, в идеале нравственность является плодом духовности. Однако зачастую нравственные поступки оказываются лишь формальным, внешним проявлением. Такого рода нравственность христианство не принимает и призывает нас к подлинному внутреннему изменению. Необходимо также отметить важнейший закон. «Нравственность же христианская целиком утверждается на законе любви, эта любовь — и основа, и вершина её», — отмечает святитель Филарет Московский. Важнейшей движущей силой нравственного изменения в христианстве является именно любовь, которая производит движущую силу внутри человека.

Подводя итог, скажем, что подлинное мужество нравственного подвига заключается в смиренном, непреклонном следовании за Христом, в бесстрашном несении креста, в уподоблении Сыну Божиему. Нелёгкий путь человека освящён божественной благодатью, которая ведёт его к Богу. Важно лишь «вручить» себя в руки Божии, от такого «вручения» рождается бесстрашие. Но есть и другой аспект христианской жизни — постоянное стремление к Богу по мере возрастающей любви; такое стремление делает человека духовным, а духовность, в свою очередь, является основой нравственности. Подлинно духовный человек не может быть безнравственным. Итак, следование за Христом, любовь к Богу и ближнему, мужественное несение своего креста и есть подлинный нравственный и духовный подвиг, о котором говорит нам христианство.

Для истинно верующего вопрос героического поступка решается сам собой — это самоотверженное, мужественное, смиренное несение своего креста, уподобление Христу без страха быть непонятым той средой и культурой, в которых он живёт.

ΙΣ
ΧΣ

Встреча с настоящим человеком

23 мая в актовом зале Нижегородской духовной семинарии состоялась встреча студентов и преподавателей с писателем Виктором Николаевичем Николаевым, на которой гость духовной школы рассказал о своём пути в православие и ответил на заданные ему вопросы. Представляем читателям журнала публикацию беседы, с незначительными сокращениями.

Виктор Николаевич Николаев, воин-«афганец», майор запаса, многократно ранен, уволен в запас по ранению, кавалер ордена Красной Звезды, в 1987–88 гг. участвовал в боевых действиях в Афганистане в составе поисково-десантных групп, в 1988–89 гг. выполнял задачи в нештатных ситуациях в Сумгаите, Степанакерте, Карабахе, Спитаке, Тбилиси и др. Автор нескольких остросюжетных книг: «Живый в помощи», «Из рода в род», «БезОтцовщина». Член Союза писателей России, лауреат премии Союза писателей России «Честь имею» 2000 г., литературной премии «Прохоровское поле» 2002 г., Большой литературной премии России 2002 г. Широкому читателю В. Н. Николаев стал известен после своего литературного дебюта «Живый в помощи (Записки Афганца)». Сегодня книга выдержала 16 изданий.

Как всё начиналось

Я вам благодарен за приглашение. В Нижнем Новгороде вот так обстоятельно я впервые, хотя раньше бывал проездом. То, о чём мы с вами сегодня поговорим, будет в большей степени разговором «для служебного пользования», поскольку вы, в принципе, люди военные, если иметь в виду служение в высоком смысле — народу, своей стране, а также образ жизни, когда человек принадлежит не только себе в первую очередь.

Это не лекция, не какая-то попытка вас поучить, давайте это будет просто рассказ — рассказ человека, который

что-то в жизни повидал. А на основании увиденного и были написаны все мои книги. Мы с вами поговорим за небольшое время о многом. Поговорим о войне, что такое война: а это не только убийства и кровь, это прежде всего мужество — мужество офицеров, солдат. Ещё мы с вами поговорим о предательстве, какое оно бывает на самом деле. Ещё поговорим о тюрьме, потому что в реальной жизни это отнюдь не та «романтика бандитизма», которую пытаются навязать популярные телесериалы и на основе чего наша молодёжь порой строит свои жизненные отношения. Тюрьма — это прежде всего трагедия, причём трагедия и тех людей, которые там оказались, и, даже в большей степени, их родственников — родителей, жён, детей. И всё, о чём мы с вами будем говорить, тесно связано с семьёй. Где бы человек не оказался, в какой бы сложной жизненной ситуации, но если рядом есть любимая семья и дети, это всё равно смягчает ситуацию и, как бы не было трагично, — выравнивает положение. Поэтому я буду просто рассказывать, а вы меня послушайте.

Начало моей военной судьбы похоже, думаю, на начало пути любого из вас. Я также заканчивал среднюю школу, потом ушёл служить в армию, поступил в военное училище — Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Всё шло относительно ровно — до часа «икс». И вот, когда мы учились на третьем курсе (был ноябрь 1979 года), произошло следующее. Под Челябинском неожиданно взбунтовался целый эшелон призывников с Кавказа, в результате бунта были убиты все проводники и проводницы. В Челябинске с бунтовщиками справиться не смогли и отправили поезд с ними в конечную точку, в город Курган. И вот тогда нас, молодых курсантов вашего возраста, впервые подняли по боевой тревоге. А знаете, когда звучит команда «боевая тревога!», то психика молодого человека это воспринимает совершенно особым образом. Нас подняли в два часа ночи. Мы были собраны, экипированы, получили полный боезапас примерно за 50 секунд. Стоял ноябрь, и было очень холодно. Нас построили на плацу, и перед нами впервые выступал начальник КГБ области. Он нам не приказывал, он нами не руководил, а просто сказал: «Сынки, произошла страшная беда, я вас очень прошу остановить этот беспредел, и всю ответственность беру на себя». И мы выполнили не столько приказ, сколько просьбу этого полковника. Мы прибыли к привокзальной площади; по дороге были вскрыты все секретные пакеты — что нам можно, а что нельзя. А можно нам было всё (за исключением — не подставлять свою голову). В четыре утра мы получили команду на штурм, справились с поставленной задачей примерно за 40 минут.

Очевидно, что ранее с этими призывниками с Кавказа проведена была работа, в том числе мусульманскими религиозными организациями, но это им не помогло. Детали можно прочесть в моей книге...

Война в Афганистане

После этого случая жизнь моя и учёба изменились. Соответствующими структурами из нас были отобраны ребята, проявившие себя в этой схватке. И первое, что мы услышали от полковника, Героя Советского Союза, это то, что наша задача впредь — не убивать научиться, а достойно воевать и, если понадобится, погибать — за родину. И нас начали готовить несколько по иному направлению — поиск и спасение терпящих бедствие и попавших в плен, поиск и уничтожение караванов. (То есть готовились поисково-спасательные группы, приближалось время Афганистана, время войны). И после выпуска из училища мы были отправлены в Закавказье, а оттуда непосредственно в Афганистан, провинцию Газни, в вертолётную эскадрилью — летали, кстати, с Николаем Майдановым, дважды Героем Советского Союза, который погиб в Чечне. Мы выполняли рутинную работу войны: вылеты в 6 утра летом и в 10 утра зимой, два/три вылета в день. Задача была такая: найти бандгруппу, навязать ей бой и возвращаться на базу. Если по дороге мы брали пленных, то запрашивали с борта базу (позывной был — «карандаш»): например, говорили, что у нас три «карандаша», а нам отвечали «три много, нужен один» — тогда двоих уничтожали, одного брали с собой. Это было нормальное состояние войны. И всё шло в относительно штатном режиме до 3 января 1988 года.

Дважды спасённый

Случилось такое. Наш спецназ «Чайка» оказался зажат в горах в районе Гардеза, примерно на высоте 3 500 метров. Из двадцати двух человек «Чайки» шестеро были убиты и почти все ранены, но убитых и раненых у нас никто никогда не бросал. Нашли мы наших ребят довольно быстро, но приземлиться не могли, не позволяла глубина снега. Вертолёт завис на высоте до 15 метров, сбросили тросы, подняли десантников, пересчитали (на войне считают по головам, потому что порой бывает, что рук и ног недостаёт) и «пошли» к себе на базу. А летали мы, надо сказать, на высоте 5–20 метров — это «мёртвая зона», в которой ракета противника в нас не попадала. Но при заходе на посадочный курс вертолёт всё-таки поднимается примерно метров до 40, и здесь мы, на четвёртом развороте при заходе на посадку, эту ракету и «поймали»! От её попадания оторвало несущий винт, вертолёт наш встал «штопором» в воронку, и мы, заваливаясь на хвост, с недолётом до своей полосы, упали на своё же минное поле. И подорвались. Я сидел у носового пулемёта и во многом благодаря этому и уцелел, потому что упал на кучу наших ребят... Хорошо помню этот момент. Конечно, вся жизнь передо мной в глазах не пролетела, но первая мысль, которая пришла мне в голову, была: «А что теперь с ними?..» Она просто пульсировала во мне. И вот что я вам хочу сказать. Есть такое понятие «ёкнуло сердце», это ощущение в подавляющем большинстве случаев знакомо женщине, матери, жене. Так вот, в тот страшный для меня момент ёкнуло сердце у моей жены, которая находилась от меня за тысячи километров и внезапно почувствовала эту мою беду. И вдруг она начинает читать молитву, похожую (мы позже сравнивали) на молитву «Отче наш». При этом мы были люди некрещёные и в храм не ходили. Но видимо, если у тебя в роду есть крещёная кровь, пусть даже несколько поколений назад, то это великое таинство всё равно в какой-то мере, одному Богу известной, будет передаваться по наследству и в свой час принесёт свою благодать. Пока жена читала молитву, я выполз из вертолёта живой, но с сильнейшей контузией (кровь шла из носа, из ушей, лётный шлем был разбит в двух местах). И вот я ползал по минному полю, с плотностью заминирования «метр-

полтора — мина», и ни разу не подорвался!

Первая книга

Когда для меня закончился Афганистан, я вернулся домой и поступил в военную академию в Москве. Уже на третьем курсе обучения перенёс сложнейшую операцию в госпитале имени Бурденко, и опять чудом, молитвой, особенно самоотверженной молитвой, любовью, мужеством и заботой своей жены, остался жив. Затем был долгий процесс восстановления. У нас уже росла шестилетняя дочка. А я учился заново разговаривать, ходить. Мой вестибулярный аппарат был разрушен — я мог двигаться в день не более пяти-десяти минут. Это длилось примерно полтора года, затем я начал довольно быстро восстанавливаться и уже выходил в город.

И вот когда я стал себя чувствовать хорошо, возникло желание написать книгу о той войне, которую видел я. Рассказать, что война — это не только кровь, боль, смерть, это прежде всего мужество — мужество наших офицеров и солдат, а ещё мужество и терпение женщин, которые умеют ждать... С высоты своего опыта, я вам хочу сказать, что воевать гораздо легче, чем ждать. Представьте себе положение наших близких, родных, наших жён, когда от мужа нет вестей (не так просто ведь и полевой почте в её работе в зоне боевых действий!), а в гарнизон почти каждый день привозят «в цинке» погибших друзей, без права вскрытия гроба. И вот в этой ситуации женщине нужно продолжать ждать, любить, надеяться, и растить детей, и содержать дом и семью...

Первая книга была написана для моих друзей и близких, «на память». И, признаюсь, никаких задач и целей иных на тот момент я себе не ставил, писательского образования у меня нет: просто вспоминала и писала моя душа. Я в это время служил алтарником в храме Казанской Божией Матери в селе Коломенском, и после службы я начал почему-то подходить к иконе Иоанна Богослова. Когда заходишь в этот храм — в правом приделе висит эта большая икона. И я стал просить о помощи: «Помоги, апостоле Иоанне, эту книгу мою издать, если от неё будет польза; а если нет, дай знать, и я её просто оставлю на память». Такое прошение длилось около двух недель, и вдруг мне звонит один батюшка и говорит: «Я прочитал рукопись книги и найду средства, чтобы её издать любым тиражом, но чтобы эта книга пошла». Я обрадовался, поговорил с ним, а потом спрашиваю: «Батюшка, вы из какого храма?» А он говорит: «Я настоятель храма Иоанна Богослова из города Барнаула». (Сегодня он служит в синодальном отделе — о. Алексий Просфирин). И вот так эта книга была написана и вышла в свет, а сегодня готовится уже 17-е её издание, общий тираж у неё 3 миллиона экземпляров.

О покаянии и прощении

Затем у меня было много поездок, общения, встреч с разными людьми, начиная от студентов МГУ и заканчивая обитателями зон. Просто встречи с людьми и разговоры о жизни, о судьбах. И у вас, мои слушатели, по роду вашего служения, так или иначе, всё в жизни будет тесно переплетено, связано именно с общением с человеком, и даже более — с покаянием человеческим. И к вам будут идти люди, которые совершали разные проступки (а кто их не совершал?), начиная от незначительных и заканчивая очень тяжёлыми... И всем им будет важно сказать своё «прости» — Богу, людям.

Силу и смысл слова «прости» мы впервые осознали на войне. Это был июль 1988-го. Мы получили задачу на разведвыход, в группе было 12 человек, и все были взаимозаменяемы, то есть каждый из нас мог выполнять задачи и сапёра-подрывника, и снайпера, и оказать первую медицинскую помощь, и т. д. Но, к сожалению, та информация, которую мы получили с ночи, оказалась неточной, и нас высадили не в том квадрате. В результате, мы почти сразу оказались в засаде. Начались скоротечные злые схватки с душманами, двое наших были убиты и почти все

ранены (такие лёгкие раны, как по касательной в живот, руку, и даже отлетевшее ухо, в бою не воспринимаются как серьёзные, боль придёт потом, а пока это на уровне лёгкого жжения, и боец не обращает на это внимания). Мы, как могли, пытались отойти, убитых ребят несли на себе. И когда поняли, что уйти не удастся, было принято решение, абсолютно штатное для войны решение: лечь «ромашкой» на земле, нога к ноге, убитых кладём в центр, глаза по горизонту на 360 градусов, делим боезапас, последний трассер — на самострел, и одна граната на троих — на самоподрыв (подрываться вместе с бандгруппой — это тоже нормально на войне, в плен никто не сдавался). Начинаем ждать, лежим 5 минут — «духов» нет, 10 минут — «духов» нет, и вдруг мы, все в крови, грязные, стали шёпотом друг у друга просить прощения. «Лёха, ты помнишь, обидел я тебя, жить осталось минуту, прости». «Сашка, помнишь, взял и не вернул, прости». И пока звучало это «прости», произошло следующее: душманы прошли мимо нас, чуть не наступили на нас, но нас не заметили! Такова сила слова «прости».

Хорошо, если успеваешь сказать «прости» — родителям, близкому человеку, жене... Иногда просто случайному прохожему, которого ненароком обидел; и вроде бы даже был прав, и даже удовлетворённо подумал вначале — так, мол, ему и надо, а потом проходит какое-то время, день, два, неделя, и на душе становится неспокойно, и понимаешь, что неправ-то был ты. И хочется найти человека и сказать ему вот это «прости»... Но поздно. И вот с этим «прости» пойдут к вам, к священникам. К вам будут обращаться за поддержкой, за советом, потому что сказать это запоздалое «прости» порой уже будет некому.

Особенно стала ощущаться необходимость в священниках, когда началась «вторая Чечня». Расскажу такую историю. В одно из воинских подразделений приезжает иеромонах: поговорил он с ребятами, провели литургию в военно-полевых условиях, а потом к нему подходят несколько молодых десантников и просят: «Батюшка, нам завтра идти в бой, а у нас есть несколько человек некрещёных, вы нас покрестите». А заместитель командира полка на это отреагировал так — у меня, мол, свой бог, и своя вера, и я креститься не буду. (А вы знаете, на войне взрослеешь мгновенно. Если тебе в мирной жизни и в уютной обстановке 20 лет от роду, то на войне тебе же — уже 60, по бдительности, по осторожности, предусмотрительности и дальновидности). И тогда вот эти ребята-десантники своему командиру говорят: «Товарищ майор, если вы креститься не будете, мы с вами

в бой не пойдём». И он, знаете ли, «в полушутку», «в полуверу», осмелюсь так сказать, принимает крещение вместе со всеми. В ближайшем же бою пуля чеченского снайпера, ударив ему в голову, делает два прохода, попадает в рот, и — чудо! — он её выплёвывает! Сегодня этот майор уже подполковник, уволен в запас, носит ту пулю вместе с крестом на груди, никогда не снимая, и преподает основы православной культуры на Севере России... Знаете, таких моментов на войне очень много. Много их и в простых жизненных ситуациях. Другое дело, что в быту и суете мы не всегда их замечаем. А на самом деле — любой день светлый, любой день и события в нём даются нам во благо!

Книга о тюрьме

Как я уже сказал, много было у меня встреч, бесед, семинаров после выхода первой книги. Постепенно выросло желание написать книгу о другой «войне» — книгу о тюрьме. Дал ей название «Из рода в род», потому как она о родовом грехе, о том, что бывает в роду. Известен ведь грех нераскаянный, и за него всё равно приходится платить: в лучшем случае тому, кто грех совершил, в худшем же — это будет передаваться по наследству. Была у меня однажды памятная встреча с одним стариком в Сибири, его знали там как Петровича (к сожалению, его уже нет в живых). Настало время, когда этот человек осознал многое в своей жизни и пришёл к священнику, и тоже сказал «прости». Петрович прошёл Великую Отечественную войну и штрафбат. В штрафбате он оказался за то, что убил «начпрода» (начальника по продовольствию) — за воровство. И вот у меня с ним выдался первый разговор, который был очень долгим и полезным. Этот Петрович отличался особой чистоплотностью, он никогда не говорил глупых слов, он всегда долго думал перед тем, как дать кому-то совет. Я сам был свидетелем: когда к нему приезжали отсидевшие в тюрьме люди, то прежде чем войти, они у порога особо старательно вытирали ноги и даже тщательно прокашливались, чтобы от них не пахло табаком, ибо старик люто ненавидел всякого рода грязь. В одном из разговоров он мне рассказал: «Ты знаешь, где я умным стал? А умным я стал на кладбище. Тогда блатные убили моего друга Веньку. И вот стою я, лежит покойник Венька, рядом стоит старенький отец Василий... И вот тогда до меня дошло главное: где бы нас, русских мужиков, не носило, все мы закончим под крестом и при батюшке. С храмов кресты посносили, а на кладбище так и не смогли». Потом помолчал и добавил: «А ты знаешь, кто такой пахан-авторитет?» Я говорю: «Нет, Петрович, не знаю». А он: «Пахан-авторитет — это

сатана. А все мы, воровские паханы, у него в шестёрках. Как от Бога отошёл, так в эти шестёрки и попал».

Я думаю, что настоящая культура начинается всё-таки с запретов — с запрета на хамство, запрета на цинизм, на сквернословие, высокомерие, повышенный тон по отношению к собеседнику... Кстати, фильмы о бандитах, о тюрьме и зоне, которые демонстрируются сегодня молодым людям, зона не смотрит. Я как-то наблюдал реакцию заключённых в зоне, куда привезли фильмы «Бригада» (реж. Алексей Сидоров, 2002 — *Ред.*) и «Бумер» (реж. Пётр Буслов, 2003 — *Ред.*): так вот, заключённые подходили к экрану, плевали на него и уходили. Потому что в реальности всё не так, как в этих фильмах: в самой зоне никто «гоголем» не ходит и «пальцы веером» не растопыривает, а если молодой человек, попавший туда впервые, пытается вести себя так же, как вёл себя на воле, и устанавливать свои правила жизни, ему жёстко объясняют, что здесь действуют другие законы (иной раз так жёстко, что можно остаться инвалидом).

БезОтцовщина и «золотая молодёжь»

Люди с трагичным опытом тюремной жизни и их родственники будут идти к вам, будущим священникам. Такие люди очень специфичны, с ними нелегко вести разговор.

В моей книге «БезОтцовщина» смысл у названия двойной (неслучайно выделена буква «О» в заголовке, она прописная). Книга о том, что бывает в семье, когда нет отца родного, а если он и есть, то, как бы поделикатней выразиться, лучше бы его не было. Или что бывает в семье, материально обеспеченной, состоятельной, где не почитают Отца Небесного, и жизнь творится в обстановке полного безбожия. Тогда есть реальная перспектива того, что подростки из таких семей могут пойти на столь жестокие преступления, какие не способны совершить даже люди зрелого возраста. Когда я писал эту книгу, то специально побывал в тех местах, где проводит своё время так называемая «золотая молодёжь». Я видел их поведение, видел беспредельные цинизм и хамство. Хочу сказать, что «золота» там нет, не было и никогда не будет. Их души смолоду сгнили, и восстановлению, наверное, не подлежат. А если и даст им Господь такую возможность, то, вероятно, лишь через серьёзные скорби.

А подлинно золотая молодёжь — это, на мой взгляд, ребята вашего возраста, занятые настоящим делом, образованием, служением. Это, например, Евгений Родионов, которого чеченские боевики взяли в плен с двумя другими ребятами (кстати, сегодня годовщина казни Жени Родионова). Сто суток содержали их в подземелье, а потом вывели. Двоих расстреляли сразу, а Жене сказали: снимешь крест — останешься жить. Женя креста не снял, и его жестоко казнили. Сегодня есть уже храм в честь Евгения Родионова, написана его икона, а ведь это парень вашего возраста. Кстати, все боевики, которые имели отношение к казни Евгения (бандгруппа из восемнадцати человек), были уничтожены в течение 4–5 месяцев. Ещё пример по-настоящему золотой молодёжи — это молодые ребята из шестой роты Псковской десантной дивизии: бойцы в количестве 90 человек удерживали группу противника из 2,5 тысяч. Они погибли почти все, в живых осталось шестеро, практически все стали Героями России. Сегодня есть казарма, которая в их честь оформлена как казарма-музей, казарма-храм: тщательно заправленные кровати, и около каждой подушки — фотография улыбающегося погибшего десантника.

Мои встречи

Уверяю вас: мы всё равно, так или иначе, придём в храм. Быть может, вначале просто сердце ёкнет, когда проходим мимо. Потом захочется зайти и постоять несколько минут. Захочется быть там, где ты должен находиться хотя бы раз в неделю, и успокоить свою душу.

Нередко в наше время можно услышать неприятное слово: «выродок». Знаете, это

термин не медицинский, а духовно-нравственный: когда в результате неестественного поведения человека происходит вырождение его души, а значит и той морали, того поведения, которые должны быть присущи нам, людям.

Вот сейчас есть такая мода — носить на своём теле «наколки». Приверженцы этого, с позволения сказать, «творчества» в массе своей значительно помолодели. Была у меня встреча с молодёжью в одном престижном университете в Москве. И мы завели разговор на эту тему. Меня старались убедить, что это модно и красиво! А я им предложил мысленно представить такую картинку: приходите вы домой, а ваша бабушка — вся в «наколках». Они опешили. Да, возможно, это красиво сейчас, в возрасте 18–19 лет (хотя это тоже очень спорный вопрос), но представьте, что «рисунки» эти на теле останутся у вас и в сорок, и в шестьдесят, и, возможно, в восемьдесят (?)...

...Однажды была у меня встреча с так называемым «смотрящим зоны». Разговор выдался продолжительный и откровенный. Человек этот, как может, пытается отойти от своих прошлых дел, проступков, раскаяться, но сделать это сразу не так-то просто. И вот он мне говорит: «Однажды я беседовал со священником, с молодым батюшкой, который мне указал на такие моменты моей жизни, после чего я стал словно прозревать в духовном направлении — по-другому стал смотреть на многие вещи, сравнивать, осмысливать свою жизнь. Вот, прежде у меня была прекрасная семья, любимая жена, дети, и жили мы тогда по воле — я сейчас понимаю, что жили мы по воле Божией. А потом я решил жить по своеволию. И только теперь я понимаю и вижу эту разницу. Моя жизнь по своеволию привела к тому, что нет у меня сейчас ни жены, ни детей, но есть несколько судимостей и много болезней. „Авторитетный“ ведь я только здесь, за „колючкой“, а в нормальной — реальной — жизни я никто. Но на многие вещи сейчас мои глаза смотрят по-иному. Я тебя прошу, если будешь встречаться с молодыми людьми, передай им для размышления! Есть выражение: „Бесплатный сыр — в мышеловке“. А ты скажи, что в мышеловке сыр — самый дорогой, потому что крыса за него платит жизнью».

...Возможно, кому-то из вас придётся встречаться и общаться с заключёнными, и не раз. Это люди очень осторожные, хитрые. Они не с первого и не со второго раза могут пойти на контакт, и поступают так, чтобы вас же «раскрутить» — на общение, для каких-то своих целей. Это понятно по-человечески. Они могут весьма быстро и профессионально усыпить вашу бдительность, и вы, разомлев, легко спутаете такое отношение с особой доверительностью, можете и сами довериться им лишнего. В зоне служить нелегко. К вам будут долго и внимательно присматриваться, но если уж начинают доверять, то действительно серьёзно идут на откровения. Особенно сложно, на мой взгляд, в женской колонии: женщины ещё более ранимые и ещё более осторожные.

Однажды в тюрьме мне показали камеру, где смертный приговор приводится в исполнение. И продемонстрировали двухминутную видеосъёмку: как это совершается на самом деле. И это выглядит настолько жестоко и страшно, что в течение трёх-четырёх недель после увиденного и пережитого находишься в совершенно угнетённом состоянии.

Довелось мне беседовать и с человеком, довольно молодым, который дважды был приговорён к смертной казни. Поначалу он неохотно шёл на контакт, но всё же разговорился, и перед прощанием я услышал от него такие слова: «Я никогда не был в храме, не знаю, как правильно ставить свечу и подходить к иконе... Но когда меня приговорили второй раз, то до меня дошло главное: не надо пытаться быть умнее Бога. Мы же стараемся перехитрить Его сто раз на дню. Курить за углом, сквернословить, плевать на асфальт, сыпать мусор с балкона, хамить старшему или просто беззащитному — это всё „умнее Бога“. И когда однажды мне стало совсем страшно, вдруг стали леденеть мои ноги от пяток, и вот

этот нестерпимый холод стремительно поднимался выше и выше... Я стал ощущать, как внезапно словно меняется структура моего тела: я стал слышать, как паук плетёт паутину, и как по стене ползёт луч солнца. И тогда я упал на пол камеры и с воем пополз в угол, чтобы нацарапать там в углу крест. Но когда я дополз и протянул руку, я увидел, что там уже нацарапаны кресты — теми, кто сидел до меня».

Повторюсь, ибо это моё убеждение: мы всё равно придём в храм. Моё поколение родом из Советского Союза, но такая, расхожая в своё время фраза, как «слава КПСС», забылась очень скоро, а вот слова «Слава Богу!» или «Не дай Бог!» оставались в нашей речи, в нас всегда. А на войне, я в этом убедился лично, вообще атеистов не бывает, при такой близости смерти и боли очень скоро меняется наше мировоззрение, словами это не передать! Это как нельзя понять умом Россию, нельзя понять умом Евангелие — можно только сердцем и душой, а точнее — принять.

Мы много говорим о героизме, о героях Советского Союза, России, о героях труда. Но вы знаете, воспитать детей в семье и дать им настоящий пример отцовства и родительской любви — это тоже героизм. Очень сложно построить храм архитектурно, но ещё сложнее построить семью, приход. Чтобы царили любовь, дружественность, доброжелательность, существовали доверительные отношения. Когда мной была написана книга «Время подумать о главном», за которую я получил Патриаршую премию в 2012 году из рук Патриарха в храме Христа Спасителя, в неё вошла глава с названием «Послушай меня, сестра». В моих книгах все факты и судьбы подлинные (единственное, что мне приходилось менять, — это имена людей). Так вот, в основу этой главы лёг мой разговор с одной женщиной, которая совершила в жизни проступок и понесла наказание. До случившейся с ней беды они с мужем прожили 18 лет, и он всегда говорил, что она любимая. Но как только её арестовали, муж от неё отвернулся. «Значит, я была не любимая! Или любовь была не настоящая! И вот когда мне стало невыносимо плохо, уже в зоне, я впервые пришла в храм и подошла к иконе Божией Матери „Взыскание Погибших“. Погибшей, я думала, была моя душа. И вот стою, вроде и не плачу, а слёзы текут. И вдруг чувствую, как сзади ко мне кто-то неслышно подходит и промокает мне глаза, наполненные слезами. Я поворачиваюсь, как в полусне, и вижу, что от меня отходит какая-то необычная женщина. Я у неё спрашиваю: „Кто ты? Я здесь тебя никогда не видела“. Она отвечает: „Видела, только не обращалась“. Поворачиваюсь я к образу, а это Она, Взыскание Погибших».

В дальнейшем у собеседницы моей хорошо сложилась жизнь. Она освободилась, встретила настоящего, любимого человека, у них создалась семья.

В своё время у вас, священников, на приходах будет много юных ребят и девчонок. И я вам по-отцовски, по-дедовски рекомендую: нужно так строить жизнь прихода, чтобы молодым ребятам объяснялось и стало понятно следующее. Девочку, девушку надо беречь, чтобы на душе у неё и под сердцем всегда был покой, потому что оттуда выйдет продолжение нашего рода. А девчонкам нужно внушать, что ребят необходимо вдохновлять, всегда и во всём хорошем. Муж должен стремиться домой после своих трудов, потому что это его дом, где его любят и ждут. И тепло и уют дома — для него.

У всех нас наступит момент, когда придётся ответить за многое в своей жизни. Учитель ответит за своих учеников, писатель — за книгу, военный — за вверенных ему бойцов, президент ответит за страну. Но, я думаю, каждый из нас прежде всего ответит за свою семью и за своих детей. Это самое важное.

И последнее. Однажды довелось побывать в колонии, что окормляется монахами Оптиной пустыни. А там первым настоятелем маленького храма был о. Арсений Росляков, один из трёх, убитых впоследствии монахов (в колонии помнят его и по сей день и очень трепетно о нём отзываются). Во время его служения в колонии заключённые выстраивались к нему на исповедь в очередь, на коленях, и каялись по сорок минут. Все терпеливо ждали, чтобы сказать этому человеку своё «прости». Как-то по окончании литургии, рассказывают, к нему подошёл молодой заключённый и спросил: «Батюшка, а что такое чудо?» И вот как ему ответил монах: «Чудо, брат, это то, что сегодня ты принял Святое Крещение и попросил прощения у отца с матерью».

И вам всем, ребята, желаю я чуда душевного покоя. Чтобы вы закончили этот прекрасный вуз, создали свои семьи, трудились и жили созидательной красивой жизнью: чтобы сложился у вас свой «семейный храм» и обрелась своя истинная и прекрасная любовь, на основе которой воспитывались бы ваши дети, а далее всё это передавалось бы по наследству. Это великое состояние — семейной любви.

Благодарю вас за терпение и внимание. Вы знаете, велика Россия, но велика и возможность нашей с вами новой встречи, чтобы, даст Бог, также тихо и спокойно поговорить по душам. А будете в храме, поставьте за меня скромную свечу. Всё.

Материал подготовил
Артём Хамидулин

Паломничество на Святую землю

С 20 по 28 июня по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия группа паломников из Нижегородской духовной семинарии совершала путешествие во святой град Иерусалим и к святыням Палестины. Поездку возглавил первый проректор духовной школы — протоиерей Александр Мякинин. В группу вошли одиннадцать студентов семинарии, несколько мирян и священники митрополии, в прошлом окончившие нижегородскую духовную школу. Среди студентов были и те, кто несёт послушание в семинарском хоре, а также регент — Наталья Евгеньевна Мякинина. При посещении святых мест хор исполнял церковные песнопения.

Паломники поклонились святыням Иерусалима, служили и молились за ночной литургией на Гробе Господнем, побывали на Елеонской горе и у гробницы праведного Лазаря, прошли крестным путём Спасителя. В программу паломничества вошли Вифлеем и Назарет, Кана Галилейская и Капернаум, Иерихон и Яффа. Особое впечатление осталось у путешественников от посещения древних монашеских обителей — лавры преподобного Саввы Освященного, где подвизался преподобный Иоанн Дамаскин, лавры Феодосия Великого, лавры преподобного Харитона Исповедника, монастырей преподобного Георгия Хозевита и преподобного Герасима Иорданского. Нижегородские паломники погрузились в священные воды Иордана, поднялись на гору Искушений, помолились на вершине горы Фавор, провели вечер на берегу Галилейского озера, посетили храм великомученика Георгия Победоносца в Лидде, поклонились гробнице праведной Тавифы. Перед мысленным взором путешественников оживали евангельские события, наполнялись особой духовной силой слова Священного Писания, проникновенно и возвышенно звучали церковные песнопения, наполняя сердце молитвой и умилением.

Внутреннее паломничество

Артём Хамидулин, студент II курса магистратуры Нижегородской духовной семинарии

Земля, обещанная Богом верному Ему Аврааму и дарованная горячему, но не всегда преданному Ему народу, являла собой райский сад, текущий реками, полными мёда и молока. Так было в прошлом, и лишь в библейской парадигме мировосприятия. Настоящая территория, на которой разворачивались известные события и зарождались мировые религии, представляется сейчас местом сухим и прозаичным до такой степени, что удивление порой наполняет душу наблюдателя, созерцающего ландшафты Святой земли — «и за эти вот камни были пролиты реки человеческой крови?» Вероятно, что во времена задолго до Anno Domini люди умирали за обладание этим клочком земли, именно

в силу его необычайной плодородности. Всё изменилось, когда в эту часть «Плодородного Полумесяца» (условное название плодородного региона на Ближнем Востоке) потомки Авраама привнесли новые Смыслы. Стремление завоевателей завладеть этими территориями приобретало статус сакрального действия и приравнивалось к претензии на завоевание самого Божественного Обетования. Но Бог не в камнях и плодоносящих смоквах. Достаточно вспомнить, что даже непосредственно райский сад был отдан Создателем в руки первых людей с целью заботы о нём. Возделывание сада предполагает труд, направленный на преодоление суровости природы, для воссоздания небесного установления о нём. Этот сад должен быть, и он был. Это была действительно плодородная на святых мужей земля. На ней трудились пророки и воины, правители и священники. Их труд был направлен на преодоление жёсткости человеческого сердца и создания в нём настоящего райского сада, под сень которого снизошла бы благодать Божия. Тысячи людей до сих пор стремятся совершить этот подвиг в местах, как считается, наибольшей близости Неба к человеческой истории. Так начинается паломничество в Иерусалим.

Центр мировых религий. Город Давида. Святой город. Град на Горе. Все эти названия прочно связываются ассоциациями с Иерусалимом, но, как говорится, Иерусалим уже не тот. Между паломником и Святым градом плотно встаёт ряд всевозможных «отрезвляющих» фактов. Агрессивная арабская торговля вкупе с плотной городской застройкой еврейских кварталов добротно заслоняют от мысленного взора предельную цель путешествия пилигримов. Или нет? Вот перед нами, подобно всполохам далёкой грозы, предстают древние названия. Долина Ездрилонская. Масличная гора. Кедронский поток. Геенна Огненная. Гора Сион. Неужели все эти события происходили здесь?.. Но перепаханный захватчиками и многократно

отстроенный другими завоевателями город молчит, лаконично предоставляя в качестве доказательств оставшиеся памятники археологического наследия. Да, а что вы хотели? Так всё и было в то время, так оно есть и сейчас. Меняется лишь заявленный набор обстоятельств, люди же остаются теми же — всегда и во всём. Так же обыденно двигалось солнце по небосводу, баки наполнялись дождевой водой, люди праздновали свадьбы и плакали на похоронах, когда по улицам Иерусалима ходил Тот, Чей приход был предсказан пророками. Многие добровольно остались в стороне, просто потому, что у них были текущие дела поважнее, и они не заметили процессию, направлявшуюся на Голгофу, и Господь прошёл мимо. Представляется, что если бы Господь пришёл ещё раз, тем же образом, и в наше время Его неминуемо ждала бы та же «участь» в отношении людей. Человек остаётся человеком, не будучи им в полном и высоком смысле этого слова...

Город с непростой историей живёт в своём ярком сплаве из разных культур и ценностей. Представители различных религий борются за обладание святынями, на улицах слышится говор тысяч туристов со всех уголков земного шара, каждый из которых в своём посещении земли исторического Израиля ищет чего-то своего. И если бы не суетная реальность настоящего и обилие народа вокруг, то хотелось бы опуститься на колени в любой части города и поцеловать эти истёртые до блеска каменные плиты дорог, не потому что «вон на той плите», по преданию, стоял Христос, а потому что эти камни скрывают под собой ту землю, по которой ходил Спаситель.

Какова на вкус благодать? В этой стране, где всё само по себе крайне маленькое, компактное, есть шанс испытать особое чувство благодати и ощутить нечто подлинное и настоящее, во много раз превышающее объём человеческого существования. Среди «музыкальных» мечетей, «ревнивых» синагог и прочих «национальных церквей» выделяется одно совершенно особое место. Оно также разделено между христианскими деноминациями, но место это какое-то *живое* — это Храм Воскресения и его сердце — Гроб Господень. Далее — всё индивидуально. Существуют локации, где понимаешь всю значимость этих построек, как это было на месте Дворца Давида, а есть места, где тебе просто хорошо находиться, и осознание этого приходит к тебе уже после, как это было у Камня Помазания. Ради этого возможного опыта благодати стоит предпринимать дальние путешествия. Другое подобное чувство силы и невероятной мощи испытываешь у колонны, что при входе в Храм, в которую в один из праздников Пасхи сошёл Благодатный Огонь, оставив в тяжёлом камне широкую трещину. Однако наличие внешних знаков божественной силы многим было недостаточно, и люди стремились создать собственный храм Святого Духа — в своём сердце.

В мире, где Кувуклия над Гробом Господним перестраивалась более четырёх раз, для веры должно быть более надёжное основание, поэтому в V веке многие уходили в знойную Иудейскую пустыню и среди её сухих камней «ковали постами меч молитв». Конечно, пустынные монастыри производят сильное впечатление. В отвесных скалах видны пещеры, в которых когда-то жили подвижники благочестия, и кажется, что, осторожно заглянув в одну из них, ты застанешь там сосредоточенно молящегося монаха или, уж наверняка, найдёшь здесь достоверные следы его пребывания — грубый крест и на каменном выступе тихую лампаду, с её трепетным светом. Говорят, сейчас там не благословляют селиться современным монахам, и от этого пещерам недостаёт некоего «современного» содержания. Однако когда смотришь на эти выемки в мёртвой пустыни, чувствуешь, как будто в глубокой тени этих пещер до сих пор скрываются святые люди, возносящие свои молитвы Богу и восходящие духом от силы в силу. Непередаваемое ощущение настоящего монашеского делания в подлинном смысле

слова. В период наибольшего развития монашеской жизни в этих местах о пустыне говорили, что она расцвела обилием христианских аскетов. Может быть, именно о таком райском саде в Земле Обетованной говорил Бог в Ветхом Завете? О саде, в котором плодоносящие деревья являются метафорой христианских добродетелей тысяч людей, посвятивших себя духовному развитию на берегах полноводных рек благодати.

Мы сподобились быть на Святой земле в самый жаркий период. Многие горные потоки были сухи, среди камней прятались библейские «зайцы» (неверный перевод наименования других растительноядных — дамано в), и мало кто из монахов отваживается ныне жить в обустроенных монастырских кельях в жаркой пустыне. Однако при всём этом ты чувствуешь не только жар полуденного солнца, но и сердечную теплоту от «намоленности» этих мест. Окидывая взглядом близкие и дальние гроты пещер, ты понимаешь, что масло духовного подвига в лампаде веры ещё не иссякло, и среди камней пустыни продолжает возноситься к Богу животворящая молитва.

Каким бы увлекательным не было путешествие и какие бы восторги не испытывал человек в поездке, наступает время, когда его начинает тянуть на родину. Это желание не может затмить ни восторг от пёстрого колорита средиземноморского восточного города, ни интерес к пруду с японскими карпами под сенью вечнозелёных деревьев. Какой же вывод следует сделать в завершение этого повествования? Какой бы холодной не была ночь, в серой золе потухшего костра всегда пробиваются искры, от которых способен зажечься далеко не один светильник. И к каким бы результатам ни приводили исследования природы Благодатного Огня, сердце продолжает верить в чудеса. Пора переходить от увиденного к незримому, и атмосферную жару израильского лета претворить во внутренний жар благодатной жизни — создать из внешнего внутреннее. Ибо в этом и заключается смысл паломничества. Настало время вернуться домой.

«Там Господь проходил»

Николай Семёнов, студент V курса Нижегородской духовной семинарии

Думаю, у многих людей, ещё не побывавших на Святой земле, несколько иное представление о ней, нежели то, какой она является сегодня на самом деле. И я представлял её немного иначе. Но несмотря на это я очень рад состоявшейся встречи с нею, и благодарю Бога за то, что сподобился посетить эти места, побывать в святом граде Иерусалиме. Даже не верится, что в тех краях, где мы оказались, там, где мы жили целую неделю, — ходил и проповедовал израильскому народу Сам Господь Иисус Христос. И хотя древний этот город был многократно разрушен, многие святыни затерялись в далёком прошлом, но присутствие Бога на этой Земле и сегодня переживает душа верующего человека.

Меня удивили чистота, убранство, очень бережное и трепетное отношение к Святой земле в русских храмах и монастырях, великолепие и красота которых достойны восхищения.

Желаю, чтобы та атмосфера, которая была во времена апостолов и Самого Господа Иисуса Христа, сохранилась и по сей день на этой Земле, память о ней останется в моём сердце на всю жизнь.

Святая земля – живая Библия

Андрей Шибаев, студент II курса Нижегородской духовной семинарии

Что такое поездка или, точнее сказать, полёт в Иерусалим в наши дни для верующего человека? Это осуществление давней мечты повидать великие христианские святыни, окунуться в совершенно другой ритм жизни, иную культуру, климат, это желание почувствовать себя современником пришедшего на землю Господа нашего Иисуса Христа. Главное, что каждый, кто побывал на Святой земле, стал причастником «живой Библии», прошёл по камням, которые «помнят» следы Создателя мира, прикоснулся к местам, где совершались Божии милости и знамения.

Большинство из нас, паломников из Нижегородской духовной семинарии, отправились в эти священные для христиан места впервые. Мы понимали, что совершают путешествие в Израиль люди с разными целями и разными представлениями об этой земле. Кто-то при слове «Иерусалим» представляет себе камни, солнце и... Стену Плача, кто-то — государство с постоянными военными конфликтами, кто-то — Средиземное море и восточные сладости, но для нас, христиан, — это прежде всего Святая земля, на которой родился, рос, проповедовал и творил чудеса Спаситель, где совершилось дело нашего спасения. Здесь жили великие подвижники, апостолы и пророки, оставившие после себя обильные плоды трудов и примеры непостижимых подвигов и жизни, достойной подражания.

Необыкновенна и удивительна природа земли Обетованной. Пальмы, финики, оливковые деревья, гранаты, повсюду летают попугаи и ходят павлины. Незабываемая атмосфера на Генисаретском озере. Вот вода, по которой ходил Господь, берега, на которых открывал Он тайны Царствия Божия, предсказывал грядущие наказания за грехи и даровал исцеления просящим и нуждающимся. Голубое небо отражается в озере, и туман стелется над водой, так что другого берега почти не видно. Мы стоим на том самом месте, где две тысячи

лет назад воскресший Господь простил Петра, и мне становится ясно, что для Бога важно не то, что мы спотыкаемся и падаем на своём жизненном пути, а то, как мы поднимаемся, как стараемся идти дальше, к своему Создателю и Отцу.

Совершенно иная обстановка в Иерусалиме и других городах Израиля. Это особенное место на планете, где смешались самые различные народы и культуры, пересеклись религии мира. Здесь величайшие святыни, места, связанные с жизнью Спасителя и Его Пречистой Матери, пустыни, моря, пещеры, горы. Посещая эти места, одно за другим, не успеваешь вместить в себя великую благодать, исходящую от них, чувствуешь лишь безграничную Любовь Божию, Его промыслительную заботу о нас, сквозь века и всю человеческую историю. Проходя путями, которыми ходил Он, я поражался смирению и терпению сотворившего нас Господа и тому, как близок Он каждому из нас. Я хотел побывать в Израиле, чтобы не только телесными своими глазами увидеть Гроб Господень, пещерку, в которой Он родился, но и чтобы все эти места открыли мои духовные очи. И лишь вернувшись обратно, я осознал, где побывал и какое огромное значение всё это имеет для меня. Мы посетили даже больше, чем я ожидал. Особенно меня впечатлили каньоны, раскалывающие жаркую пустыню своими поразительно красивыми ущельями, и монастыри, выточенные в скалах, вдали от людей, вдали от суеты. Ярко помнится и наше восхождение на гору Искушений, и совершенно особенная молитва в том месте: сердце открывается навстречу Свету Христову и хочет следовать за Его голосом, а на вершине этой горы открывается необычайно завораживающая картина. С одной стороны — вид на Иерихон, Мёртвое море и впадающий в него Иордан, с другой — Иудейская пустыня — всё, как на ладони.

Совсем непросто выразить все эмоции от этой незабываемой поездки, но самое важное: Святая земля оставляет в сердцах паломников особенные переживания, воспоминания и впечатления, которые, думаю, сохраняются на всю жизнь. Они помогают стремящимся ко Христу следовать путём Его заповедей и хранить в душе огонь спасительной веры.

Божия благодать не оставляла нас

Дмитрий Порынов, студент II курса Нижегородской духовной семинарии

Это путешествие на Святую землю, да и вообще за границу, было первым в моей жизни. И поэтому перед поездкой меня не покидал благоговейный трепет от осознания того, что обретаю возможность соприкоснуться с величайшими святынями, для поклонения которым христиане из разных уголков мира едут в Израиль. Трепет от мысли, что смогу побывать в тех святых местах, которые «помнят» земную жизнь Спасителя, Его честные страдания и славное Воскресение. И, слава Богу, это благоговение не покидало меня и во время самого паломничества, хотя из-за насыщенности нашей программы путешествия и частых переездов порой не получалось, да и невозможно было, вместить в себя всё, осознать всю святость и великую ценность того, что увидели, к чему прикоснулись...

Но Божия благодать не оставляла нас, и Господь помог нам до конца совершить свой маленький паломнический подвиг.

Отмечу, что немало значимых для христиан мест на Святой земле принадлежит сегодня Католической Церкви. Католики построили здесь свои соборы — величественные строения, отличающиеся прекрасной архитектурой и удивительной акустикой внутри. Соборы поражают своим величием, красотой, воплощённой силой.

Но особое впечатление в этой паломнической поездке произвёл на меня, несомненно, храм Воскресения, и более всего — сам Гроб Господень. Когда подходишь к тому месту, где лежало честное тело Спасителя, встаёшь перед ним на колени, — чувствуешь необычайную близость Бога, невидимое Его присутствие Своею благодатью. Это чувство, когда хочется молиться, когда молитва идёт, подобно тихому ручью, спокойно и благоговейно. Все эти переживания надолго оставили след в моей душе.

Любовь не ищет своего

Интервью с преподавателем информатики Нижегородской духовной семинарии — диаконом Илиёй Третьяковым.

Отец Илья, этот выпуск нашего журнала посвящён различному пониманию мужества, но прежде чем мы поговорим об этом, расскажите о себе: какое у вас образование, в какой области вы работали?

До поступления в Нижегородскую духовную семинарию, в 2006 году, я окончил Нижегородский радиотехнический колледж по специальности «Вычислительные машины, комплексы, системы и сети». Около шести лет я успешно работаю в сфере it-технологий, занимаясь развёртыванием корпоративных сетей и обслуживанием различной вычислительной техники — от ноутбука до высокопроизводительных серверных систем. В 2013 году я попробовал себя в новом качестве преподавателя. Уже год веду базовый курс информатики для учащихся 4-го курса нашей семинарии.

Чем был обусловлен выбор стать диаконом? Считаете ли вы это мужественным поступком?

Сразу после диаконского сорокоуста в Дивеево я был назначен штатным клириком Алексеевского храма при семинарии. В приватной беседе с проректором, отцом Александром Мякининым, мне были сказаны такие слова: «Вот ты снова с нами, несмотря на кружной путь, которым ты шёл». А путь действительно не был лёгким и прямым.

Окончив колледж, я поступил в семинарию. Вести церковный образ жизни я начал ранее, посещая богослужения и прислуживая в алтаре. На 3-м курсе мысль об учёбе в духовной школе впервые посетила меня. С той поры я с нетерпением ждал завершения своего образования в радиотехническом колледже и выпускных государственных экзаменов. После них я держал вступительные испытания в семинарию. И вот, 1 сентября 2006 года я стал семинаристом.

Удивительное дело, но восторги и неофитские душевные взлёты разом закончились. Начались трудовые будни, в которых чередовались лекции, молитвы и трудовые послушания. Вскоре в моей жизни настала пора разочарований, потерь, неудач, разладов в семье и личной жизни. Тогда я ещё не знал слов Писания: *«Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твоё и будь твёрд, и не смущайся во время посещения; прилепись к Нему и не отступай» (Сир. 2, 1–3)*. И того искушения я не выдержал. Проучившись всего один курс, я покинул семинарские стены.

Тут мне и пригодилось светское образование, благодаря которому я устроился на работу по специальности. За шесть лет трудового стажа я успел поработать в двух фирмах. Карьера складывалась успешно, я получал достойную и стабильную зарплату. Но при всей видимости благополучия в душе была какая-то обеспокоенность и неудовлетворённость. Должно быть, Господь не давал успокоения в материальном благоденствии. Всё чаще я задавал себе вопрос: «Чему я теперь служу? Временному или вечному?»

Вскоре в нашей семинарии появился компьютерный класс. Меня, как старого знакомого, попросили помочь с его внедрением в учебный процесс и дальнейшим обслуживанием. Так я вернулся в семинарию в качестве сотрудника, совмещая светскую работу с послушанием в духовной школе. Спустя год

Вступление в брак и приверженность семейным ценностям можно считать если не подвигом, то довольно сильным и сознательным ударом по эгоизму и греховной обособленности, столь активно культивируемым современными массмедиа.

я попросил о восстановлении меня в числе учащихся и продолжил обучение на заочном секторе. Тогда же мне был задан вопрос о принятии священного сана. Я встал перед выбором: с одной стороны, стабильная и предсказуемая жизнь it-инженера крупной межрегиональной компании с близкой возможностью карьерного роста, а с другой — служение у Престола Божия. Для меня настал момент истины. Снова в голове возник вопрос: «Чему служить? Временному или вечному?»

Слукавлю, если скажу, что для меня было всё очевидно и этот выбор дался мне легко. Основной сложностью было то, что он затрагивал не только меня, но и мою семью. А с мнением близких людей нужно, безусловно, считаться, тем более в таком важном решении. Я очень благодарен моей супруге Екатерине, что в тот момент она поддержала меня. Для меня очень важно, что это решение было совместным. 8 декабря 2013 года митрополитом Георгием я был рукоположен в сан диакона.

Создание семьи сопряжено ли, на ваш взгляд, с некоторыми моментами, которые иначе как героизмом и не назовёшь?

В Св. Писании Господь говорит: *«Не хорошо быть человеку одному» (Быт. 2, 18)*. И Он творит Еву, которая становится спутницей в жизни Адама. Также в этом библейском стихе указана универсальная формула греха: грех есть обособленность, отчуждённость человека от Бога и ближних, замкнутость в себе, самовлюблённое одиночество. Поэтому брак есть конец одиночества, восстановление эдемского единства и разрыв эгоцентричного круга.

Мы живём во времена, когда добродетель, как мне кажется, не ценится или ценится мало. Как сказал мудрец, «что было пороками, то теперь вошло в нравы». Особый удар был нанесён по семейным ценностям. Культ потребления и эгоизма стал мерилом жизни для целого поколения. Брак, семья никак не вписываются

в эту современную концепцию. Зато рождаются самые уродливые формы «взаимовыгодных партнёрств», которые прогрессивная общественность стремится приравнять к браку. Поэтому само по себе вступление в брак и приверженность семейным ценностям можно считать если не подвигом, то довольно сильным и сознательным ударом по эгоизму и греховной обособленности, столь активно культивируемым современными массмедиа.

Есть ли место подвигу в семье? если да, то какого рода?

В этом вопросе я разделил бы два понятия. Подвиг — это, как правило, спонтанное и разовое проявление мужества и героизма. Это завершённый яркий поступок. Для семейной жизни более уместно подвижничество. Попробую пояснить разницу.

Предположим, юноша влюбляется в девушку. Влюблённость — прекрасное чувство, но это ещё не любовь. Влюблённость либо пройдёт бесследно, либо станет залогом настоящего чувства. Юноша делает предложение девушке, тем самым совершая подвиг. Они играют свадьбу и начинают новую, не известную ранее, семейную жизнь. И тут, как показывает опыт, неминуемо поэтика влюблённости сталкивается с прозой повседневных бытовых забот. То чувство, от которого молодые люди воспаряли над миром, начинает гаснуть. А вся окружающая среда твердит, что только ради состояния влюблённости и стоит жить, а если любовь «как сон, стороной прошла», то нужно скорее найти новый объект для страсти. Но, конечно же, это не так.

Семейное делание — это труд на всю оставшуюся жизнь, с «режимом» 24x7, без отпусков, обедов и выходных. Любовь — результат этого труда. А для любви нет никакой преграды, потому что Сам Господь есть Любовь.

Теперь, на мой взгляд, главная задача молодой пары — переосмысление чувств. Ведь важнейший смысл семейной жизни — научиться быть вместе в разные моменты жизни. Петь серенады под окнами в период влюблённости очень легко. Быть любящим, внимательным и нежным во время «медового месяца» тоже не составляет труда. Но изо дня в день просто благодарить жену за вкусно приготовленный ужин, помогать в её хлопотах по дому или вместо неё, хотя бы иногда, вставать ночью, чтобы успокоить плачущего ребёнка, — вот те поступки, которые по виду хотя и не тянут на героические, но гораздо более ценны и сравнимы с подвижничеством. В этом небольшом, но регулярном преодолении себя — залог счастливой семейной жизни и указатель верного вектора развития отношений. Только научаясь жить не за счёт ближнего, а ради ближнего, люди в браке обретают любовь, которая, по слову апостола Павла, «не ищет своего», то есть чужда всякого эгоизма.

Что вы можете посоветовать молодому поколению, только ещё готовящемуся вступить на это великое поприще семейного делания?

Не пребывать в розовых мечтах относительно брачного союза. Ещё не один брак не удержался на одной лишь влюблённости или страсти. Влюблённость, к сожалению или счастью, проходит, но может быть замещена гораздо более глубоким чувством. Поэтому важно научиться жить в своей созданной семье здесь и сейчас, не держась за уходящие, пусть даже очень яркие ощущения. Семейное делание — это труд на всю оставшуюся жизнь, с «режимом» 24x7, без отпусков, обедов и выходных. Любовь — результат этого труда. А для любви нет никакой преграды, потому что Сам Господь есть Любовь.

Материал подготовил
Артём Хамидулин

1 сентября

Новый учебный год в Нижегородской духовной семинарии

Торжества по случаю нового учебного года начались с богослужения в семинарском храме свт. Алексия, митрополита Московского. Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, ректор Нижегородской духовной семинарии, в сослужении первого проректора Нижегородской духовной семинарии митрофорного протоиерея Александра Мякинина и преподавателей семинарии в священном сане, совершил Божественную литургию и молебен на начало учебного года. За богослужением владыку ректора поздравили с 50-летием и 10-летием его ректорства. После литургии в Нижегородской духовной семинарии состоялся торжественный акт. На мероприятии присутствовали руководители, преподаватели и студенты нижегородских

духовных школ. С приветственным словом к собравшимся обратился ректор семинарии — митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. После этого первый проректор, доцент, протоиерей Александр Мякинин представил информацию об итогах вступительных экзаменов в нижегородских духовных школах. Приветственные телеграммы в адрес семинарии зачитал проректор по воспитательной работе иерей Сергий Ларюшкин. В ходе мероприятия состоялось поздравление юбиляров — преподавателей семинарии Е. В. Плисова и иерея Алексия Воронова. В заключение торжественной части со словом к собравшимся обратился ректор семинарии митрополит Георгий.

РАЗРЫВЫ И СВЯЗИ

Из истории философской мысли...

Богословие. Философия. Литература

Ангелы Дионисия и политическая теология царя Ивана IV Грозного

Д. В. Семикопов

Царь Иван Грозный.
В. М. Васнецов, 1897

На написание этой статьи меня спровоцировал Григорий Соломонович Померанц, яркий представитель нашей интеллигенции, гуманист и борец с тоталитаризмом, недавно ушедший от нас в мир иной: «Что же убило русскую иконопись? Этот вопрос вырос для меня из другого, почти детского, вставшего, когда один раз нас с женой пустили на хоры Успенского собора посмотреть фрески. Меня тогда больше всего поразила фреска Дионисия, Богородица с ангелами. Богородица оказалась без головы, но ангелы, наклонённые к ней, сохранились. Они были такие естественные в своей ангельской лёгкости, такие светлые, что хотелось смотреть на них долго, часто, каждый день. Казалось, если сделать это, то освободишься от всякой душевной тяжести. И вдруг я подумал, что Ивана Грозного смолоду пускали сюда, не так, как меня, а много раз; и притом, став царём, он мог смотреть на эти и другие фрески и иконы сколько ему хотелось. И он действительно очень любил ездить по монастырям, почитать святые иконы. Но как же получилось всё остальное? И если Феофан Грек, Андрей Рублёв и Дионисий не смогли ему помешать — на что они нужны?»[1]

Так как я не могу причислить себя к либеральной части интеллигенции, признаюсь, что чтение этого отрывка из статьи Григория Соломоновича «Ангелы Дионисия. Что убило русскую иконопись?» вызвало во мне некий внутренний протест. Очень уж упрощённо это — все цивилизационные беды списывать на диктаторов («во всём виноват» Иван Грозный / Пётр I / Ленин / Сталин / Путин и т. д.) и судить поступки людей, к примеру, шестнадцатого века с моральных позиций интеллигента конца века двадцатого. Померанц в своей позиции изначально «превращает» царя Иоанна Грозного в демона, противостоящего ангелам Дионисия. И ангелы, при таком взгляде, проигрывают битву демонам-опричникам Грозного, уничтожившим небесную красоту Древней Руси. Но так ли это? Сам вопрос был интересен, и мне захотелось найти ответ на него. Насколько это удалось, судить читателю.

***

Когда говорят о грозном правителе Иване IV, в пылу споров часто забывают — помимо того, что он был первым нашим царём, он был ещё и публицистом, религиозным мыслителем,

композитором, поэтом. Не будем вдаваться в качественные характеристики, но всё это делает его личность крайне неординарной и придаёт ей ренессансные черты: именно для «титанов Ренессанса» было характерно такое сочетание гениальной одарённости с маниакальным аморализмом, о чём ярко и талантливо писал А. Ф. Лосев в своей «Эстетике Возрождения»[2]. В данном случае интересно и то, что Грозный был одним из главных средневековых русских мыслителей в жанре, который мы условно можем обозначить как «политическая теология».

Что такое политическая теология? Понятие политической теологии было введено немецким политологом и философом Карлом Шмиттом в его небольшой статье 1922 года. Суть мысли Карла Шмитта в том, что всё входит в политику (нет ничего человеческого вне политики, включая религию); с другой стороны, всякая политическая система предполагает идею. Религиозное и политическое переплетено, хотя в христианстве всегда помнят о противопоставлении того, что принадлежит Богу, и того, что принадлежит кесарю.

Карл Шмитт

Для многих христианских деноминаций протестантского толка политическое есть «совершенно иное» по отношению к религиозному. Данная установка, имея свой источник в богословии Реформации, со временем начинает оказывать влияние и на более традиционные конфессии (православие и католицизм), особенно в связи с разрушением традиционных средневековых политических форм.

В наши дни отторжение политического, как чего-то аморального и преходящего, свойственно христианству в целом. «Политика — грязное дело!» — установка, которую тяжело преодолеть европейскому сознанию, тем более что она подкрепляется фактами чуть не каждый день. Но, как замечает Карл Шмитт, «мы познали политическое как тотальное, и поэтому мы знаем также, что решение о том, является ли нечто *неполитическим*, всегда означает *политическое* решение, независимо от того, кто его принимает и какими обоснованиями оно оснащается. Это справедливо и для вопроса о том, является ли какая-то определённая теология политической или неполитической теологией»[3]. Из этого следует, что всякая теология имеет своё видение политического и, так или иначе, отрицательно или положительно, соотносит себя с формами политического, что даёт возможность говорить о политической теологии в любой конфессии.

Карл Шмитт, заложивший основания методологии исследований по политической теологии, особенное внимание уделил секуляризации христианского мира, рассматривая её по схеме от теологического, через метафизическое, к морально-гуманистическому и экономическому. Одним из продолжателей Шмитта в разработке данной концепции может быть назван другой немецкий исследователь, Эрнст Канторович, с его фундаментальным трудом «Два тела короля»[4], который не случайно носит подзаголовок: «Исследование по средневековой политической теологии». Само название глав этого труда («Власть, тяготеющая ко Христу», «Власть, тяготеющая к праву», «Власть, тяготеющая к человеку») говорит о зависимости Канторовича от идей Шмитта, чего, впрочем, он и не скрывал.

Труд Канторовича оказал огромное влияние на западную науку, обратив внимание на проблему политической теологии как таковой. Не вдаваясь в подробности концепции Канторовича, отметим, что подход его интересен и уже доказал свою плодотворность на западном материале, а мы бы хотели поговорить о политическом как теологическом на примере русского Средневековья.

Отметим также, что, на наш взгляд, одним из важнейших авторов, на которого опиралась средневековая политическая теология на Западе и Востоке, был тот неизвестный гений, которого сейчас принято называть Псевдо-Дионисием Ареопагитом[5]. Корпус сочинений этого автора включал два трактата, посвящённых

принципу иерархии: «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии». Собственно, он и вводит сам этот термин, который сейчас употребляется не только в богословии, но и в других языковых средах, в связи с чем мы без смущения говорим о социальной иерархии в обществе людей или же об иерархии в биологическом мире, например в колонии муравьёв или в стаде шимпанзе.

Сам Дионисий, вероятно, не предполагал грядущей популярности введённого им термина. Он считал, как это и следует из названия, принцип иерархии священным (букв. «иерархия» с греч. — священноначалие), относя его только к ангельскому миру и церковному сообществу. Для православной ангелологии и экклезиологии его труд имел огромное систематизирующее значение, что признают и критики его системы. Правда, результаты такого влияния оцениваются по-разному: «Читал вчера „Церковную иерархию“ Псевдо-Дионисия Ареопагита, — писал прот. Александр Шмеман. — Что может всё это значить в современном мире? А также — что могло всё это значить в мире, в котором всё это было написано? Что означает успех этого ”*corpus*“а в Византии? Если применять к такого рода истолкованию христианства основной евангельский принцип — „по плодам их узнаете их“, то плодами его в истории христианского мира была редукция Церкви к „мистериальному“ благочестию, отмирание эсхатологической её сущности и миссии и, в конце концов, дехристианизация этого мира и его секуляризация»[6].

Не вдаваясь в оценку справедливости данного утверждения, отметим, что в истории восточно-христианской культуры оно отводит Дионисию центральное место.

На Западе влияние Дионисия также было огромным. Переведённый Иоанном Скотом Эриугеной, он был отождествлён с первым парижским епископом и основателем аббатства Сен-Дени, родовой усыпальницы французских монархов. Именно на Западе впервые происходит перенос иерархического принципа Дионисия с мира ангельского и церковного на мир политический. «В средоточии труда

Псевдо-Дионисия был треугольник — но не функции. Ибо труд этот, по словам Адальберона, „мистический“: он не обращает внимания на реальное общество; он пренебрегает тем, что управляется человеческим законом. Не означало ли это довершить Дионисиев замысел — расположить на земле, симметрично невидимым триадам, некую троичность, останавливаясь при этом именно на действии человеческого закона, *lex humana*, описывая конкретные отношения неравенства, картину которых являло всё королевство, всякая сеньория? Вот здесь и было удобно ввести в систему общее место, расхожую идею, схему, о которой говорили учёные мужи в Британии, трёхчлен из *oratores*, *bellatores* и остальных»[7].

Протоиерей Иоанн Мейендорф

На Руси Ареопагитики появляются в конце XIV века, но наибольшей популярности достигают в XVI–XVII веках. Интерес этот был катализирован включением славянского перевода Ареопагитик в «Великие Минеи Четьи» свт. Макария Московского. Перенос же излагаемой Дионисием системы иерархии в сферу политического был осуществлён именно Иваном Грозным, что доказывается нами в дальнейшем. Вернее будет даже сказать, что Иван Грозный выстраивал свою систему власти, исходя из иерархического принципа, изложенного в Ареопагитиках.

***

Учение об иерархии в Ареопагитиках всегда оценивалось неоднозначно. Не погружаясь в подробности, данное проблемное поле можно обозначить следующим образом: одни считают автора Ареопагитик неоплатоником, другие, признавая влияние неоплатонизма на корпус, указывают на христианское, по сути, его содержание.

Ещё Лютер провозгласил, что автор Ареопагитик больше платоник, чем христианин. Отвержение в эпоху Ренессанса апостольского авторитета Ареопагитик послужило забвению памятника, обладавшего в средние века авторитетом, сравнимым с Библией. Сомнения в христианском характере построений Дионисия можно встретить и у православных богословов, в частности у процитированного выше о. Александра Шмемана. Ему вторит о. Иоанн Мейендорф: «Конечно, Дионисий, принадлежавший, по-видимому, к кругам монофизитов-севириан... упоминает имя Иисуса Христа и исповедует свою веру в Воплощение, но при этом структура его системы совершенно независима от исповедуемой им веры». Этой структурой как раз и является иерархия, которая достигает единения с Богом через теургию, «то есть „деятельность иерархии“ и многочисленных посредников»[8].

В интерпретации о. Иоанна иерархия выстраивает множество посредников между нами и Христом. Это и девять ангельских чинов, и три чина священнических. В результате Бог находится от простого христианина в некоей мерцающей божественным светом дали, отражение же этого света он воспринимает через все вышеперечисленные чины.

Но в последние десятилетия мы сталкиваемся и с обратной тенденцией. Можно сказать, что сейчас образ автора Ареопагитик весьма усложнился и появились авторы, отстаивающие христоцентричность мысли Дионисия. К их числу, например, относится иером. Александр (Голицын), ученик о. Иоанна Мейендорфа, который существенно скорректировал позицию своего учителя, указав на объединяющую роль Христа как посредника между Богом и человеком[9]. Иерархический принцип при этом не противоречит, а встраивается в христологию Ареопагитик. Чтобы понять как это происходит, необходимо обратиться к основам учения Дионисия Ареопагита об иерархии.

Для Ареопагита Бог — Единый и Непознаваемый по своей Природе, трансцендентен всему тварному и превосходит любое

представление о себе, и в этом автор Ареопагитик — главный апофатик восточно-христианской традиции. В то же время Бог являет себя в своих исхождениях, действиях, которые становятся познаваемыми через иерархию. «Иерархия, — говорит Дионисий, — есть священная организация, знание и деятельность, воспринимающие, насколько это доступно, богообразие и к являемым от Бога осияниям соразмерно для богоподражания возводимые... Цель иерархии — уподобление по мере возможности Богу и соединение с Ним, Его имея наставником во всяком священном художестве и в действии, неуклонно взирая на Его божественнейшее благолепие и становясь, насколько хватает сил, Его оттиском и делая участником своих хороводов божественными подобиями, прозрачнейшими и незагрязнёнными зеркалами, приемлющими луч Светоначалия и Богоначалия, священно наполняемыми даруемым светом и затем обильно в других им воссиявающими, по законам Богоначалия»[10].

Отметим, что ангельские иерархии устанавливаются по законам Богоначалия. Это вечный принцип, а не нечто временное, как например у Оригена, у которого иерархии были следствием грехопадения изначальных умов. Это главное, но не единственное различие с иерархией церковной, которая учреждена Богом для падшего мира. Эта иерархия, описанная в соответствующем трактате «Церковная иерархия» состоит из трёх чинов священнослужителей, или посвящающих (епископы-иерархи, священнослужители, диаконы-литурги), и трёх чинов мирян, или посвящаемых (монахи, лаики-миряне, катехумены). Отличие церковной иерархии (как её постоянно называет Дионисий, «нашей иерархии») от небесной в том, что ангельская иерархия надмирна и бестелесна, наша же феноменальна, и её «мы видим сообразно нам самим множащейся разнообразием воспринимаемых чувствами символов, благодаря которым мы иерархически, в присущей нам соразмерности возводимся к единовидному обожению»[11].

Обожение это подаётся иерархом, то есть епископом как образом Христа. «Нашей же иерархией называется и является совокупное всего ей свойственного священного осуществление, при котором совершаемый божественный иерарх изливает причастие всего священнейшего, как соименный священноначалию (иерархии). Ведь как сказавший «иерархия» называет совокупность вообще всего, что относится к устроению священного, так и сказавший «иерарх» указывает на пребывающего в Боге божественного мужа, искусного во всяком священном знании, в котором и вся связанная с ним иерархия чисто совершается и познаётся»[12].

При этом вся эта иерархия имеет «единую и одну и ту же во всех иерархических делах силу», исходящую от Бога, который Един, но причащаются Его все сообразно собственному достоинству. «По правде сказать, Един Тот, кого все единовидные желают. Причащаются же Его, Одного и Того же Единого Сущего, не едино, но как каждому по достоинству уделяют божественные суды»[13].

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, попытаемся выделить ряд важных положений относительно иерархического принципа Ареопагитик.

1. Источник иерархии — Бог, и Он — единственный податель блага, благодати и обожения. В отличие от неоплатонизма иерархические степени — это не ступени божественности, каждая из которых получает бытие от предыдущей. Все иерархические чины имеют источником бытия Единого Бога, разница же их определяется разной возможностью восприятия божественной благодати, которую каждый из чинов получает в дар от Бога и передаёт нижестоящему чину.
2. Но этот дар всякий усваивает в соответствии с собственным достоинством при условии соблюдения иерархического принципа. Таким образом, мирянин может быть святее епископа, но непременным условием святости является вхождение в иерархию, то есть подчинение епископу.

3. Высшей чин иерархии определяет всю иерархию. Это принцип можно определить так: высшее содержится в низшем, но низшее не содержится в высшем[14].

И, наконец, надо вернуться к тому, с чего мы начали — к проблеме христоцентризма Ареопагитик, так как именно здесь ключ ко всей системе византийского мыслителя. «Ведь Богословие передало нам, своим последователям, что и сам Иисус, богоначальнейший и сверхсущественный ум, начало, сущность и богоначальнейшая сила всей иерархии, её освящения и богодействия, более явно и более постигаемо для ума блистает блаженным и лучшим нас сущностям и, по мере их силы, уподобляет их собственному свету»[15].

Именно через Иисуса Христа, Сына Божия, ставшего Сыном человеческим, иерархии получают своё бытие и соединяются, ибо как Бог Он является главой ангельской иерархии, а как Человек — главой иерархии церковной. Христоцентричность мировоззрения автора Ареопагитик, чуждая античному неоплатонизму, особенно ярко проявляется в его посланиях, на что указывали уже давно[16]. Именно Христос делает возможным для человека иерархическое литургическое богопознание, так как в Воплощении происходит «исхождение осуществившегося как человек Сверхсущественного из состояния сокрытости в доступное нам состояние явленности»[17].

***

Вышеописанная нами иерархическая система Дионисия, как показывает дальнейшее развитие европейской интеллектуальной традиции, таила в себе большой потенциал для политической теологии, в силу как минимум двух обстоятельств.

Во-первых, Христос был главой не только церковной иерархии, так как Он не только Первосвященник и Пророк, но ещё и Царь. Это даёт возможность уже Евсевию Кесарийскому сближать образ императора Константина и Христа как Логоса, христианизируя античную теорию «царя-философа». «В его панегирических сочинениях земная империя

воспринимается как воспроизведение Божественного единовластия на небе. Имперские эпитеты прилагаются к Богу, а божественные — к императору. Таким образом, есть один Бог и один император под Богом... Он становится образцом и учителем своих подданных, так же, как и правителем; подобно яркому солнцу, он освещает самых отдалённых подданных своей империи... Евсевий близок к тому, чтобы увидеть в Константине новое явление Логоса на земле»[18].

Представления о византийском императоре как помазаннике-Христе стали классической идеей византийской политической мысли. В некоторые эпохи, например в период византийско-персидских войн эпохи императора Ираклия, образ римского императора сливается с архетипом библейского царя, приобретая явно мессианские черты. «Согласно классическим византийским представлениям, каждый христианский монарх, подобно царям ветхозаветным, является в некотором роде мессией — помазанником. В случае Ираклия

Андрей Рублев. «Архангел Михаил»

к этому было нечто прибавлено: он стал воспринимать себя как актуализированный эсхатологический образ — Последнего Римского Царя. Такой царь, будучи предтечей Второго Пришествия Христова, особым образом посылается Богом»[19].

В рамках данной статьи совсем нет возможности рассмотреть в связи с этим концепцию «Москва — Третий Рим», которая, впрочем, не имеет недостатка во внимании. Но стоит отметить, что Рим в средние века становится неким образом идеального земного царства, отражающего божественную иерархическую вечность. Вечная душа Рима покидает его тело и может транслировать себя в Константинополе, Москве, или каролингском Аахене. «Константинополь, Аахен и остальные — каждый из них претендовал на то, чтобы являться новым Дионисом или новым Гелиосом, а каролингский монарх — новым Давидом или Константином — временным воплощением образа бога»[20]. Это высокое положение определяло то, что монархи, и на Западе и в Византии, изображались с нимбом, вне зависимости от личного благочестия. Это означало их сопричастность вечности, но вечности не Божественной, а эонической. «Нимб не переносил своего обладателя в Божественную Вечность (Aeternitas Dei), в которой нет временной протяжённости, поскольку в ней существуют все времена, прошедшие и будущие. И всё же нимб переносил своего обладателя — переносил его, выражаясь языком схоластики, из *tempus* в *aevum*, из времени в вечность, или же по крайней мере в некую временную протяжённость, у которой нет конца»[21]. Но *aevum* в средневековой сакральной географии было местом обитания ангелов, в силу чего «“политическое тело“ короля у тюдоровских юристов получает в конце концов так много сходства со „святыми духами и ангелами“, и почему *rex christus* Нормандского анонима также наделяется высшей природой Посредника — короля, являющегося человеком по природе и богом по благодати»[22].

Во-вторых, к образу Христа как Царя добавляется и ещё одна перспектива, а именно ангельская историософия Дионисия Ареопагита, изложенная в девятой книге «Небесной иерархии», посвящённой низшему небесному чину, то есть собственно ангелам. По мысли Дионисия, все народы руководимы своими ангелами, возводящими к Богу тех людей, которые открыты божественному откровению. «Народом иудеев руководил Михаил, ясно научая нас, что существует единый над всеми промысл, сверхсущественно сверхучреждённый превыше всех невидимых и видимых сил, и все ангелы, поставленные каждый над своим народом, возводят к Нему как к своему началу тех, кто добровольно за ними следует»[23]. Образ архангела Михаила, как небесного предводителя богоизбранного народа, также начал играть важную роль в средневековой политической теологии, став ещё одним архетипом царской власти.

Таким образом, земная иерархия может быть встроена в церковную и небесную либо посредством Христа, как идеального Царя, либо через причастность народа к ангельской иерархии, посредством предводительствующего им ангела, в качества образца которого выступает архангел Михаил.

К вышесказанному можно добавить ещё одно замечание, касающееся антропологического дуализма царской власти, имеющего, в свою очередь, христологические основания. Естественно, что христианский дискурс, христологический по своей сути, задаёт два направления: божественное и человеческое. Как писал в XVI веке Фрэнсис Бэкон, «Все наставления, даваемые монархам, сводятся, в сущности, к следующим двум напоминаниям: «Memento quod es homo» (Помни, что ты человек) или «Memento quod es Deus» (Помни, что ты Бог)»[24]. Читателю, не знакомому с политической теологией средневековья, может показаться, что из этих двух напоминаний именно первое более свойственно христианству, между тем как второе — языческое. Но в действительности всё как раз наоборот. Напоминание о божественности монарха самим королём Яковом I, в правление которого и жил Бэкон, связывалось с известными строками 81-го Псалма: «Вы — Боги»[25], а вот происхождение второго напоминания гораздо интереснее. Во время триумфа, когда римский император ехал во всём своём великолепии «от Марсова поля к Капитолию на колеснице, запряжённой четырьмя белыми конями, словно некий земной бог, — облачённый в расшитую пурпурную тогу Юпитера Капитолийского, держа в руке украшенный орлом скипетр этого бога, и с лицом, выкрашенным киноварью в красный цвет, — и тогда-то раб, ехавший вместе с ним на колеснице и державший над его головой золотой венок, шептал ему: „Оглянись. Помни, что ты человек“»[26].

При этом святость чина монарха, равно как, впрочем, и святость чина епископа, определялась не столько личными качествами человека, сколько священным статусом иерархического чина. Вернее, это было два разных вида святости, с разными критериями, как это весьма удачно выразил Пьер Дамиани: «Одно дело быть святым по заслугам своей жизни, а другое дело — именоваться святым в силу служения, присущего своему статусу»[27]. Как мы увидим, эта мысль также не чужда Дионисию, который относил её к иерархическим степеням, что с особенной силой проявилось в его послании «Димофилу служителю» — тексте, на который Иван Грозный будет активно ссылаться в своей переписке с князем Андреем Курбским.

***

Дмитрий Сергеевич Лихачёв писал об Иване Грозном как писателе: «Это во всех отношениях крайне своеобразный автор. Надо преодолеть немало трудностей, чтобы определить даже то, что принадлежит Грозному, и надо испытать не меньше затруднений, чтобы раскрыть особенности его творчества. Но зато, дойдя до существа его писательской натуры, мы открываем необыкновенно интересную творческую личность — личность в своём роде единственную и ни на кого не похожую, экспрессивную и всё-таки загадочную, как бы выступающую из теней и полутеней, подобно лицам стариков на картинах Рембрандта»[28].

Лихачёв здесь верно ухватывает «ренессансность» личности грозного царя. Совершенно неправомерно видеть в нём некоего мракобеса-реакционера или типичного представителя средневековья. Иван Грозный — новатор, совершающий монархическую революцию в святорусском царстве. Не случайно его образ часто ставится в параллель с образом другого революционера на троне — Петра Великого. Иван Грозный, как, впрочем, и Пётр Великий, фигура, которая оценивалась, оценивается и будет оцениваться крайне неоднозначно. Но многие исследователи, особенно те из них, кто настроен к первому русскому царю изначально негативно, как правило, проходят мимо самого, может быть, важного ключа к тайне царя Ивана IV, а именно — его собственного голоса, который мы можем услышать. Голос этот мы слышим в знаменитой его переписке

с князем Курбским, в других посланиях царя, в написанных им гимнографических текстах, из которых для нас наибольший интерес представляет канон архангелу Михаилу.

Но начнём с переписки. Обстоятельства её хорошо известны, и у нас нет необходимости вдаваться в подробности[29]. Мы принимаем тезис о том, что данная переписка подлинна, несмотря на те сомнения, которые высказывались относительно её аутентичности на Западе, в частности у американского слависта Эдварда Кинана[30]. Так как нам важна теологическая составляющая политического мировоззрения оппонентов, сосредоточимся именно на данных моментах, вдаваясь в исторический контекст только по мере необходимости.

Князь Андрей Курбский — один из первых русских диссидентов, сбежавший без явной угрозы со стороны царя в 1563 году в Литву, которая тогда находилась в состоянии войны с Россией. Каковы бы ни были мотивы, в любом случае поступок князя представляется предательством своего отечества, против которого он потом и воевал с оружием в руках. Это следует учитывать, читая его письма к царю, равно как и его «Историю княжества Московского». Не вдаваясь в оценку личных качеств князя, следует помнить, что он в любом случае не мог быть объективен по отношению к Грозному и должен был прибегать к нарочитому очернению царя хотя бы для того, чтобы оправдаться перед другими и самим собой.

Можно даже сказать, что князь хотел не просто очернить царя, а демонизировать его, что видно из обращения к царю в начале первого письма князя: «Царю, богом препрославленному и среди православных всех светлее явившемуся, ныне же — за грехи наши — ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющий прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных»[31].

Слова «разумеет разумеющий» — возможная отсылка к Апокалипсису, а именно к тексту: «Здесь мудрость. *Кто имеет ум*, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13: 18), тем более, что супротивный — это, фактически,

Князь Андрей Курбский

синоним слова сатанинский (от «сатана» — противник). С этим мнением коррелирует и заключительная часть послания, в которой Курбский говорит: «Знаю я из Священного писания, что дьяволом послан на род христианский губитель, в прелюбодеянии зачатый богоборец антихрист, и ныне вижу советника твоего, всем известного, от прелюбодеяния рожденного»[32].

Что это за советник историки спорят до сих пор, но важно само использование оппозиции «божественное — демоническое», так как именно обвинение в том, что Грозный служит сатанинским силам, имеет прокаженную совесть и держит в советниках антихриста, более всего разгневало царя. Иван Грозный видел себя создателем «Святорусского царства», как царь он находился к царству в тех же отношениях, что и иерарх к иерархии. Отпадение царя от Бога означало отпадение всего царства и оправдывало Курбского в его предательстве, делая его исповедником. Особо стоит обратить внимание

именно на последнее: князь переводит спор в религиозную область, именуя казнённых бояр мучениками, а их кровь святою[33].

Всё это понимали обе стороны, что и определило линию защиты царя в ответном послании, одной из главных целей которого является попытка доказать, что это князь Курбский пошёл против божественного порядка: отпав от царя, отпал от Бога и уподобился бесам.

«Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единородную душу? Чем ты заменишь её в день Страшного суда? Даже если ты приобретёшь весь мир, смерть напоследок всё равно похитит тебя...»[34], — взывает к князю царь. «Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом!»[35]

Почему же Курбский «себя погубил»? Царь — глава земной иерархии и как глава он — образ Христа. Выпадая из иерархии, человек выпадает из сферы освящённого бытия в демоническую тьму. Потому Курбский сравнивается с бесом. «И повсюду, как бесы во всём мире, так и изволившие стать вашими друзьями и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаю бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных и посему возводя на нас многочисленные поклёпы»[36].

Выпадая из любой иерархии, элемент данной иерархии прерывает свою связь с божественным и испытывает недостаток блага, то есть становится носителем зла. Грозный несколько раз повторяет одну и ту же мысль: именно причастность к иерархии, а не личное достоинство является основным условием святости. В сущности, и бытие, и благодать, и освящение подаются нам от Бога, а не от собственных заслуг, потому иерархическая верность — необходимое условие для спасения.

И далее следует очень важный отрывок: «Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а воздаяние? В конце концов всё равно умрёшь. Если же ты убоялся смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты презрел слова апостола Павла, который вещал: „Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится Божьему повелению“. Воззри на него и вдумайся: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу — тот именуется отступником, а это наихудший из грехов»[37].

Грозный говорит о том, что лучше пострадать невинно и, будучи верным иерархическому порядку, стать мучеником, чем избегая наказания, пусть даже и несправедливого, выпасть из иерархии и стать изменником Богу.

Интересно в данном случае и обвинение Курбского в ереси Новата: «Так ли следует воздавать честь владыке, от Бога данному, как делаешь ты, изрыгая яд по обычаю бесовскому? Начало своего письма ты написал, размышляя о наватской ереси, думая не о покаянии, а — подобно Навату — о том, что выше человеческой природы. А когда ты про нас написал: „среди православных и среди пресветлых явившемуся“, — то это так и есть: как в прошлом, так и сейчас веруем верой истинной в истинного и живого Бога. А что до слов „сопротивным, разумеющий совесть прокаженную имея“, то тут ты по-наватски рассуждаешь и не думаешь об евангельских словах»[38]. Суть мысли Ивана Грозного, видимо, в следующем: раскольники выступали против возвращения в Церковь раскаявшихся в смертных грехах, считая, что есть грехи, прощение которых невозможно. Курбский, уподобляясь им, требует от Грозного невозможного — личной безгрешности, то есть он ставит царское достоинство в зависимость от его деяний. Царь не соглашается с этим: несмотря на прегрешения он — царь, пока является хранителем веры и царства. Святость царского сана при этом надо отличать от личной святости. Царь может

не обладать личной святостью, но до тех пор, пока он царь, он обладает священной харизмой, данной Богом. Богодарованность его сана может быть уничтожена только отступлением от Бога, который является единственным источником бытия и блага, однако от Бога царь не отступал.

То, что Иван Грозный отстаивает принцип иерархичности, восходящий именно к Ареопагитикам, подтверждается ссылками Грозного на труды Дионисия. В первом послании к Курбскому творения Дионисия упоминаются дважды, и оба раза цитируется послание Дионисия иноку Димофилу. Послание привлекает царя по двум причинам: осуждение излишнего ригоризма и неправомерность критики мирянами епископата. Приведём соответствующее место в изложении Грозного: «Ни твоим служителям, ни равным тебе по чину рабам не следует осуждать священника, хотя бы казалось, что он недостойно приступает к божественным тайнам, или даже если станет очевидно, что он делает что-либо запрещённое. Ибо если вообще нарушение устройства и порядка есть преступление божественных законов и установлений, то не следует нарушать порядок, установленный Божьим словом»[39].

Если подробнее рассмотреть послание к Димофилу, которое Грозный цитирует практически целиком, то его можно считать изложением очень важной и для современной Церкви проблемы, а именно — как возможна святость иерархии, если не все иерархи обладают личной святостью, и кто имеет право корректировать церковную иерархию.

Адресат послания — некий служитель (от греч. — терапевт) Димофил. В Ареопагитиках терапевтами называются монахи. Этот монах, по словам древнего комментатора послания, взбунтовался против своего священника, принявшего в общение кающегося грешника, и выгнал обоих из храма, оккупировав алтарь (видимо, считая, что прегрешения данного грешника не могут быть прощены, а священник, простив, сам совершил непростительный грех). На этой завязке и основано всё послание, в тексте которого изобличаются ошибки Димофила.

Ареопагит указывает на то, что служителям, то есть монахам, не подобает поправлять священника, даже если низшие чины формально правы. «Ведь если отступление от определений и законоположений является безобразием и бесчинием в божественнейшем, то не имеет оправдания даже ради Бога совершённое нарушение богопреданного порядка»[40]. Разрушение иерархии, созданной для спасения всех, неизмеримо большее зло, чем молчание в случае греха отдельного иерарха. Это совсем не значит, что сан иерарха избавляет его от ответственности. «Таковой — не иерей, никак не иерей, но злой обманщик, поругатель себя и волк, облачившийся для нападения на божественных людей в овечью шкуру»[41].

Однако не низший чин иерархии должен его судить. Как говорит автор Ареопагитик, «Но не Димофилу положено это исправлять... Ведь те, кто поставлен Богом начальствовать над другими, по достоинству воздают следующим за ним и подчинённым... И если кто-нибудь из них как-то погрешит против подобающего, то будет исправлен равночинными ему святыми. Но соотношение чинов не перевернётся, но каждый в своём чину и в своём служении да пребывает»[42].

Грозный не случайно вставил в своё письмо это послание Ареопагита почти целиком: оно весьма удачно подтверждало его основные тезисы. Как царь он имеет священное достоинство, пусть даже он и грешный человек; низшие не имеют права судить высших, даже если их претензии справедливы: прегрешения против иерарха есть грех против Бога.

То, что Грозный сохраняет верность Богу и Церкви, делает его истинным царём, несмотря на грехи; главное — соотнесённость с небесными иерархиями и строгое соблюдение пределов собственного чина. «Это всё о мирском; в духовном же и церковном если и есть некий небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены; кроме того, и я — человек: нет ведь человека без греха, один Бог

безгрешен; а не так, как ты, — считаешь себя выше людей и равным ангелам»[43].

Почему Иван Грозный уверен, что Курбский в своём уме вознёсся до ангельского состояния? Потому как Грозного, как царя, могут судить только ангелы. Равных ему царей — нет, он — единственный православный царь ойкумены, а выше его только ангелы. И Курбский должен стать ангелом, чтобы судить царя. Но покусившись на такое, он уподобился дьяволу, который также, вознёсшись до неба, низвергнулся до ада[44].

«Почему же ты взялся быть наставником души моей и моему телу? — спрашивает царь Курбского. — Или ты дашь ответ за мою душу в день Страшного суда?»[45] В своём послании Курбский угрожал царю: «И ещё, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь, думаю, лица моего до дня Страшного суда»[46]. Царь же ему отвечает: «Но кто же захочет такое эфиопское лицо видеть?»[47] И здесь, помимо сарказма, содержится и отсылка к типичному для византийской традиции образу беса-эфиопа.

Ещё одна сложная проблема, которую обсуждают в связи с перепиской царя и князя и которая может быть решена посредством привлечения иерархической концепции Ареопагитик, — это вопрос соотношения «прогрессивности/реакционности» во взглядах Курбского и Грозного.

Как уже выше говорилось, автора Ареопагитик иногда сводят до христианского эпигона неоплатонизма[48]. На самом же деле это есть не просто упрощение, но искажение мысли автора византийского корпуса. Современный западный исследователь Чарльз Стэнг указывает, что одним из основных отличий концепции иерархии Дионисия от схожих построений Прокла является кардинальное онтологическое различие в понимании степеней. Так, у Прокла каждый уровень иерархии получает своё бытие от предыдущего и является источником бытия для последующего. А у Дионисия нет подобного каскада бытия, так как источник бытия для всех степеней иерархии — Бог, а иерархии сообщают творению не бытие, а любовь и свет[49].

Определённую параллель этим двум представлениям об иерархии мы можем найти в полемике Курбского с Грозным. Не один царь Иван ссылался на Дионисия. Есть такие отсылки и у Курбского, тем более, что он переводил византийских авторов, в том числе и Дионисия. Так, по мнению отечественного византолога Вальденберга, он ссылается на «Дионисия Ареопагита, который в своём сочинении о небесной иерархии говорит, что и ангелы управляются советом»[50], сравнивая царя с главой, а его советников с удами, то есть отдельными частями тела. Данная модель восходит к апостолу Павлу, с его определением Церкви как тела Христова, глава которого Сам Христос. Но эта модель отвечала и взглядам Грозного, считавшего, что «царь стоит над своими советниками, даёт им те или иные указания, но сам их указаниям не подчиняется»[51], ведь и рука или нога не может давать советов голове, которая всем и управляет. В то же время Курбский уверяет, что, разогнав совет, то есть «избранную раду»[52], царь изменил основным принципам богоустановленного политического строя. Однако как иерарх даёт начало всей иерархии, так и царская власть даёт начало всему царству, то есть всей политической иерархии, а не наоборот. И это ещё одно приложение иерархического принципа Ареопагитик к политической теории, которую проповедует Иван Грозный.

«Курбский не „представитель идеи прогресса“, как думают некоторые исследователи; напротив, он защитник старины и притом — защитник не бескорыстный. В нём сильны удельные воспоминания, он мечтает о том времени, когда великие князья слушали во всём бояр»[53]. Но такая аристократическая модель более соответствует античной политеистической теологии. Вообще начитанность Курбского в античной литературе, особенно во второй период, после его ренегатства, нашла отражение и в той же его истории Московского княжества. Суть её в том, что правление Ивана Грозного разбивается на два периода: хороший (до изгнания добрых советников, составлявших «избранную раду») и плохой. Но в этом

Н. В. Неврев. Опричники

сначала Курбский, а позже и Карамзин копируют схему Корнелия Тацита, который подобным же образом описывает правление Нерона[54]. Ни Курбский, ни Карамзин, конечно, не могли об этом не знать, но это работало на их установку демонизации Грозного как нового воплощения Нерона-антихриста.

***

Жорж Дюби в своём исследовании трёхчастной модели средневекового общества отмечает, что перевод Ареопагитик Джоном Скотом Эриугеной имел огромное влияние на культуру каролингской Франции и способствовал «почитанию ангелов, расширяя их место в практике благочестия, помогая архангелу Михаилу понемногу вытеснять Спасителя из верхних, надвратных часовен. Оно надёжно вводило эсхатологические грёзы в спокойное русло, упорядочивало их. Более чем на столетие освобождало их от излишнего драматизма и судорожности. Благодаря чтению Дионисиевых трактатов небесный Иерусалим мог предстать поистине «видением мира», образцом того распорядка, поддерживать который на земле требовали от королей»[55].

Этот весьма важный тезис открывает, возможно, ещё один из ключей к пониманию сложной личности Ивана Грозного и её роли в истории. В этой связи хотелось бы упомянуть интереснейшую концепцию отечественного историка Андрея Юрганова, изложенную им в книге «Категории средневековой культуры»[56]. Юрганов считает, что печально известный «новгородский погром», когда царём было уничтожено от четырёх до десяти тысяч человек, был вызван эсхатологическими чаяниями царя, который ожидал Страшного Суда в связи с наступлением 7077 года от сотворения мира. Учреждение опричнины было созданием эсхатологического воинства, по образцу западных рыцарских орденов, которому надлежало очистить «святорусское царство» перед Страшным Судом. «Опричнина — своеобразная мистерия веры, образ будущего на земной тверди. Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным Судом»[57].

Да, Грозный не был более жесток, чем его современники. Если сравнивать количество репрессированных им людей, то он далеко уступает знаменитому основателю англиканской Церкви королю Генриху VIII. «Суперзлодеем» Иоанн Грозный стал вследствие информационной войны, которая началась как раз в его эпоху. Но современников он поразил не столько количеством жертв, сколько способом казней. Так, согласно «Новгородскому летописцу», «Повелел царь приводити... владычних бояр и иных многих служивых людей и жён их и детей, и повеле их пред собою горце мучити и лютее и бесчеловечнее, всякими различными муками; и по многих неисповедимых горких муках, повеле государь телеса их некоею составною мукою огненною поджигати, и своим детем боярским повеле тех мученных людей за руки, и за ноги и за головы, различно, тонкими ужи привязывати по человеку к санем конским, и быстро влещи за санми на великий Волховский мост, и повеле их с мосту метати в реку Волхов»[58].

Встаёт вопрос — зачем было выбирать для новгородцев такую изощрённую казнь, ведь здесь, помимо садизма, виден и определённый сценарий. И сценарий этот традиционен для древнерусской эсхатологии. «В житии преп. Василия Нового рассказывается, как некий воин умер, но спустя некоторое время ожил — душа вернулась в тело. Воин сообщил, что видел мост, под ним текла река. На другом

берегу — цветущий луг и сонмы мужей в белых одеждах. На мосту происходит испытание: праведники проходят через него и попадают в рай, а грешники падают в зловонную реку. Кирилл Александрийский уточнял, что грешники мучаются в огненной реке связанными»[59]. Таким образом, царь пытался следовать некоему метафизическому архетипу.

Так и Опричный дворец в Москве строился по плану храма из видения пророка Иезекииля, воплощая религиозную цель правления Иоанна Грозного — создание «Святорусского царства» как Града Божия на земле. А его сожжение крымскими татарами Девлет Гирея ознаменовало конец опричнины и крах утопических мечтаний Грозного. «Уничтожение Опричного дворца, построенного во образ Града Божьего, — сильнейшее потрясение для царя, ибо в этом он увидел знак того, что Бог не благословляет опричнину»[60].

Юрганов отвергает мнение А. М. Панченко и Б. А. Успенского о том, что Грозный выстраивал следующую параллель: на том свете наказание определяет Бог, а исполняют его бесы, а на этом свете приговор выносит царь, а казнят опричники-кромешники. Но, несмотря на негативное отношение к опричникам в народном фольклоре, нет никаких данных, что сам царь относился к ним как некоему бесовскому воинству[61]. Но царь явно брал на себя право производить на земле Суд Божий, и это право давало ему место главы иерархии.

Однако, несмотря на оригинальную эсхатологическую интерпретацию Юрганова богословской подоплёки политических мотивов грозного царя, мы присоединяемся, скорее, к мнению тех же Панченко и Успенского, которые полагают, что Грозный считал себя именно первым царём, не эсхатологически завершающим предыдущую историческую эпоху, а открывающим новую. В этой связи «с Иваном Грозным сопоставим Пётр Великий, и такое сопоставление помогает понять концепции обоих этих деятелей... Ибо в Иване обнаруживаются черты реформатора (даже с признаками западной ориентации), тогда как Пётр может быть вписан в национальную модель поведения»[62].

Поступки Грозного определяются вовсе не эсхатологическими кошмарами, а политическим богословием царя. «Мысль о том, что именно в начале 60-х годов эсхатологические ожидания в России усилились, не может быть, видимо, доказана... Таким образом, точка зрения А. Л. Юрганова не представляется вполне обоснованной. Вместе с тем в литературе последних лет, посвящённой Грозному царю и событиям его времени, отчётливо прослеживается мысль о том, что, во-первых, Иван Васильевич боролся не „против“ чего-либо, а „за“ создание нового; во-вторых, чтобы понять его поступки, следует обратить внимание на его взгляды, на то, что повлияло на его представления о себе и его месте в мире»[63].

Не останавливаясь на дальнейших доказательствах истинности данной интерпретации, укажем, что в пользу её свидетельствует то, что Грозный, как первый царь, явно искал идейные источники для новой модели самодержавной власти.

Одной из таких моделей могла быть знаменитая «Повесть о Дракуле», написанная, по мнению большинства историков, жидовствующим еретиком Фёдором Курицыным. В этой повести есть явные антиэсхатологические мотивы (жидовствующие всячески насмехались над ожиданием православными Конца Света в 1492 году, и его не наступление было аргументом против истинности христианского летосчисления). Повесть рисует идеального царя, своего рода модель царского поведения. «Дракула (он же валашский князь Влад Цепеш) обладает двумя главными качествами. Во-первых, он грозен; во-вторых, справедлив»[64]. И не случайно уже в начале XVII века происходит отождествление образов Грозного и Дракулы.

Другой же моделью царской власти вполне мог быть образ архангела Михаила, тем более что, по мнению Д. С. Лихачёва, именно Иван Грозный под псевдонимом Парфения Уродливого был автором канона «Ангелу Грозному Воеводе»[65].

В этом каноне архангел Михаил предстаёт ангелом смерти, наказывающим грешников и, через мытарства, содействующим их спасению: «Смертью нас надирает, и от суеты мира избавляет, и на суд праведнико Христу представляет, и от вечных мук избавляет...». Переносяся образ архангела на себя, царь становился орудием праведного гнева Божия, устанавливавшим иерархический порядок на земле.

Архангел Михаил вспоминается и в переписке с Курбским: «Имеем ещё предстателями небесные силы, архангелов и ангелов, как архангел Михаил был предстателем Моисея, Иисуса Навина и всего Израиля; так же в благочестие новой благодати первому христианскому царю Константину незримо был предстателем архангел Михаил, водивший полки его и одолевавший его врагов, с тех пор и поныне он помогает всем благочестивым царям»[66].

Отметим в связи с вышесказанным ещё одно противоречие, которым нередко попрекают систему Дионисия, а именно то, что у него архангелы (и, в частности, Михаил — глава всех небесных воинств) относятся к низшему чину небесных сил. Однако в данном отрывке Иван Грозный следует именно историософской схеме Дионисия, указывая на архангела Михаила как ангела истории, предводителя богоизбранного народа, после отступления Израиля содействующего правителю «второго Рима» — Константину, а после падения Константинополя — новому христианскому царю — Ивану Грозному.

Сама титулатура «Грозный» относилась царём именно к архангелу Михаилу. При жизни царя «Грозным» никто не называл, и грозным именовался в русской народной традиции архангел Михаил, и «по всей видимости, именно из фольклора это слово, при посредничестве В. Н. Татищева, перекочёвывает в науку, но уже с иным смыслом и как имя собственное русского царя»[67].

Заметим совмещение двух разных планов. Матрицей для теории царской власти для Ивана IV служит концепция ангельской иерархии Дионисия, но на неё накладывается функция архангела Михаила как «смертного ангела», который исторгает душу человека, затем ведёт её по двадцати мытарствам на Суд Божий. Царь, будучи главой земной иерархии, подобно своему небесному прообразу, тоже должен судить своих подданных и карать зло, дабы обеспечить благоденствие царства. То, что в казнях и в Опричном дворце Иван Грозный воспроизводит небесные архетипы, также работает на эту версию. Это не эсхатология, а создание незыблемого царства, эонической вечности на земле.

Но здесь мы сталкиваемся и с глубоким противоречием. У Дионисия ангельские силы — носители божественных Любви и Света; в его трактатах нет ничего похожего на тот образ архангела Михаила, который исходит из средневековой народной традиции. «Светлое и мрачное чередуются в нём. В нём надежда и угроза. С ним опасно шутить, его нельзя безнаказанно

увидеть. С другими святыми легче иметь дело. Его можно ждать в виде пожара с неба, урагана с гор, в виде водяного столба в море... Он почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечёт розгами, уносит смерчем, ударяет молнией. Это гневный Бог и святой Сатана. Его больше боятся и чтут, чем любят. Элемент добродушия отсутствует в его легенде»[68].

Такой ангел вполне мог предводительствовать над войсками Иисуса Навина, вырезавшими жителей Ханаана, или опричниками Ивана Грозного, устроившими страшный суд Новгороду, но вряд ли можно представить такого ангела в системе Дионисия, насквозь пронизанной Благом, Любовью и Светом. И дело здесь не в том, что автор Ареопагитик был гуманистом, а в том, что он писал не про политические реалии.

***

Любая политическая система пытается себя идеализировать посредством идеологии. Для политической системы Средневековья концепция Дионисия таила в этом смысле огромный потенциал. «Возрождение Псевдо-Дионисия, Иоанн Скот, теологические сочинения Боэция и рецепция трудов Авиценны школой Гилберта Порретанского вызвали, как было однажды сказано, „мощное дуновение динамизма“. Помимо всего прочего, это привело к возрождению понятия *aevum* (эон) — категории беспредельно нескончаемого времени»[69].

А какое государство откажется завладеть вечностью? Вот и бросились штурмовать небо, избрав в качестве орудия концепцию иерархии из корпуса Ареопагитик. Но Дионисий описывал принципиально иную реальность, реальность небесного мира, находящую своё отражение в символах церковных таинств, но никак не в политической системе. О том, что мы утратили первоначальный смысл иерархии, свидетельствует хотя бы факт, что в нашем языке говорят об иерархии, к примеру, в стаде шимпанзе, тюремном сообществе или в коммерческой компании. Но иерархия есть священноначалие, а что может быть священного в администрации нефтедобывающей компании или в отношениях между заключёнными в СИЗО? Между тем политическая иерархия находится в одном ряду с иерархиями биологическими, основанными на принуждении и насилии. Подобные иерархии являются не отражением ангельских сил, но следствием грехопадения. Сами по себе они не есть зло, но необходимы они не для богоуподобления, но для противостояния хаосу, который неизбежно наступит в любом биологическом и социальном сообществе, лишённом регулирующих начал.

Современный французский богослов Жан-Люк Марион обращает внимание на то принципиальное отличие системы Дионисия от всех иных иерархических систем, которое мы уже затрагивали. Сутью иерархии Дионисия является не бытие, которое все члены иерархии в полноте получают от Бога, а Любовь, что, передаваясь от одного к другому, связывает всех воедино. «Иерархию надлежит понимать не столько как священноначалие, сколько как начало (исток) святости. Начало святости: чтобы лучше понять этот плеоназм, нужно осознать, что святость, как и предшествующая дистанция, может только даваться. А значит, дар не навязывает ей ничего внешнего. Милосердная Любовь, будучи началом экстаза, не умаляется, когда исходит из себя, ибо именно этим исхождением она и определяется»[70].

Здесь есть некий парадокс. Любое другое начало, будь то бытие или власть, с неизбежностью бы рассеивались, сходя по иерархическим ступеням, порождая некие каскады или множества, лишённые живого единства. А свойство любви таково, что чем больше она отдаёт себя и чем больше её принимают, тем она полнее. Умаления не происходит, и в результате обеспечивается единство всех иерархических элементов в Любви, которая есть Христос.

И здесь мы подходим к самому печальному, а именно к осознанию того, что уже в Средние века произошла подмена, когда политическое

и социальное разделение было провозглашено частью божественных иерархий. Но данные системы построены на совсем ином принципе ассиметрии власти. «Поддерживать ассиметрию означает удерживать власть у себя; осуществлять власть означает не отдавать её. „Иерархия“ держится не только сакральностью своего истока, но и тем, что на всех уровнях хватается за власть... С точки зрения своего истока („хозяина“?), иерархия определяется как власть, которую сторожат путём непрестанного присвоения. С точки зрения тех, кто занимает в ней низшие ступени, она переживается как порядок, приобретающий сакральность благодаря скрытности, непрозрачности, анонимности»[71].

В результате в политической системе Средневековья сакрализовано стало то, что является прямой противоположностью сакрального, а именно административные и бюрократические структуры, основанные на насилии. Власть, насилие, социальное неравенство стали священными, что не могло в результате не вызвать бунта против таким образом навязываемого священного. Совсем не удивительно, что падение традиционных политических систем Средневековья всегда сопровождалось антиклерикальными гонениями.

К сожалению, данная подмена происходит не только в обществе, но и в церковных земных структурах. Как-то само собой разумеющимся признаётся, например, самодостаточность епископской власти, которая осуществляется, не отдавая себя другим, а наоборот, стремясь замкнуться в своём самовластии. С другой стороны, всё больше и больше становится тех, кто, будучи мирянином, считает своей обязанностью и даже заслугой критику священноначалия. Это примета вовсе не сегодняшнего дня. Добрая половина средневековых ересей начиналась с критики духовенства, погрязшего в роскоши и присвоившего себе права и привилегии дворянского сословия, а заканчивалась бунтом против Церкви как Тела Христова.

Но в системе иерархии Ареопагитик говорить об иерархических конфликтах «между

П. Е. Мясоедов. Сожжение протопопа Аввакума. 1897

«иерархами» и «народом Божьим» означает применять политическую модель иерархии там, где речь идёт о непосредственном опосредовании». Но там, где речь идёт об общении в любви, «властные полномочия нельзя ни распределить, ни уравновесить, ни разделить, их можно отвергнуть. Политическая модель иерархии не имеет ничего общего с тайной той иерархии, которая открывается в общении святых»[72].

Ошибка, которая была совершена в Средневековье, привела к бунту против диктатуры священного в социальном и политическом строе и стала основной причиной секуляризации, сопровождаемой кризисом традиционной культуры. На Руси это наиболее ясно проявило себя в старообрядческом расколе, который был радикальной реакцией на неизбежное обмирщение русского общества. Не случайно последним средневековым русским автором, ссылавшимся на Дионисия, был протопоп Аввакум. Также не случайно и то, что главным собором для старообрядцев стал Стоглав, проведённый при царе Иване Грозном.

Секуляризация после старообрядческого раскола затронула не только общество, но и Церковь, которая в результате раскола окончательно стала частью политической иерархии при Петре Первом.

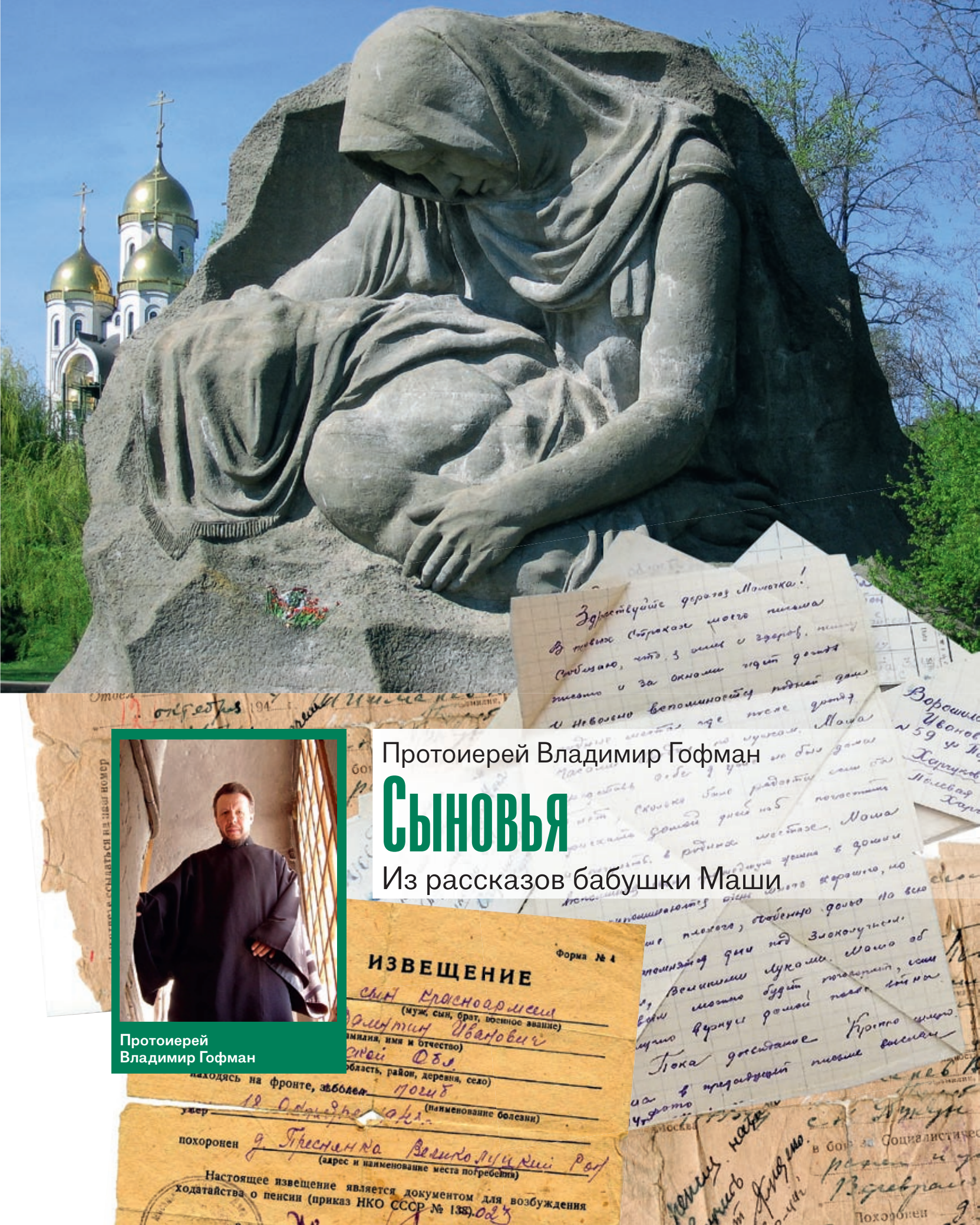
Виноват ли во всём этом Дионисий и его ангелы? Нет. Повлияли ли они на формирование политической теологии Ивана Грозного? Да. И ничего парадоксального в этом нет.

Примечания и библиографические ссылки

1. http://levi.ru/guests/guests.php?id_catalog=28&id_position=1048
2. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1998. С. 120–139. Прочитав эти знаменитые строки, раскрывающие оборотную сторону стихийного индивидуализма эпохи, ясно понимаешь, что Иван Грозный вполне гармонично бы смотрелся в ряду с Медичи и Борджиа.
3. *Шмитт К.* Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц., 2000. С. 12.
4. В этом году вышел в свет долгожданный русский перевод: *Канторович Э. Х.* Два тела короля. М.: Институт Егора Гайдара, 2014.
5. В дальнейшем просто Дионисий Ареопагит.
6. *Шмеман А., прот.* Дневники. М., 2007. С. 619.
7. *Дюби Ж.* Трёхчастная модель, или представления средневекового общества о самом себе. М.: Языки русской культуры. С. 114 (*oratores* — молящиеся, т. е. духовенство, *bellatores* — сражающиеся, т. е. рыцарство).
8. *Мейендорф И., протопр.* Иисус Христос в восточном богословии. М.: ПСТБИ, 2000. С. 120.
9. См.: *Alexander (Golitzin), hierom.* Dionysius Areopagites: a Christian mysticism? // Scrinium. Т. 3. 2007. P. 106–179. В этой весьма информативной статье доказывается, что именно во Христе и только благодаря Ему мы открываем Божественное присутствие («It is in Christ, for Dionysius, that we discover our unique entry into the presence of divinity». P. 147). Помимо этого автор опровергает ещё один тезис о. Иоанна Мейендорфа о том, что у Дионисия личный мистический опыт богопознания не связан с литургическим опытом богопочитания (see P. 173–177).
10. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Гл. 3.1. // Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя, 2002. С. 71.
11. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. Гл. 1.2. // Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. Цит. изд. С. 571.
12. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. Гл. 1.3. Цит. изд. С. 573.
13. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. Гл. 1.2. Цит. изд. С. 571.
14. В связи с этим приведём слова одного современного исследователя: «На одном уровне это означает, что ангельские иерархии можно помыслить как совокупность „мета-языков“, каждый из которых может постигать „язык“ более низкого порядка, но не может (разве что отчасти) постигать то, что выше него. Это напоминает теорему Гёделя, согласно которой в любой математической системе, достаточно сложной, чтобы включать простую арифметику, возможно сформулировать истинные утверждения, истинность которых, однако, не может быть доказана в пределах этой системы. Иными словами, все мыслительные системы обречены на неполноту. Чтобы вполне понять какую-либо вербальную или рациональную систему, необходимо использовать систему более высокого порядка. Кажется, нечто подобное мы встречаем у Дионисия, когда он говорит, что каждый ангельский порядок способен постигать тот порядок, что расположен ниже, но не тот, что выше» (См.: *Василий (Осборн), еп.* Антропология Дионисия Ареопагита // Православное учение о человеке. М. — Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 64–65).
15. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. Гл. 1.1. Цит. изд. С. 569.
16. См. напр.: *Hauken A. I.* Incarnation and Hierarchy. The Christ according to Ps.-Dionysius // Studia Patristica, vol. XV, pt. 1. 1984. P. 317–320.
17. Дионисий Ареопагит. Послание 3. Тому же (Гаию) // Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. Цит. изд. С. 773.
18. *Янг Ф. М.* От Никеи до Халкидона: Введение в греческую патристическую литературу и её исторический контекст. М.: ПСТГУ, 2013. С. 37–38.
19. *Лурье В. М.* Александр Великий — «последний римский царь». К истории эсхатологических концепций в эпоху императора Ираклия // Византинороссика. Т. 2. Деяния царя Александра. СПб., 2003. С. 149.
20. *Канторович Э. Х.* Два тела короля. Цит. изд. С. 159.
21. Там же. С. 160.
22. Там же. С. 161.
23. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Гл. 9.4. Цит. изд. С. 145.
24. Цит. по: *Канторович Э. Х.* Два тела короля. С. 628.
25. *McIlwain C. H.* The Political Works of James I. Cambridge, 1918. P. 307.
26. *Канторович Э. Х.* Два тела короля. С. 628.
27. *Petrus Damiani.* Liber gratissimus. I, 31, 29. Цит. по: *Канторович Э. Х.* Два тела короля. С. 158.
28. *Лихачёв Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. С. 183.
29. Те, кто интересуется подробностями, могут обратиться к следующей статье: *Лурье Я. С.* Переписка Грозного с Курбским // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Указ. изд. С. 214–249.
30. *Keenan E.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Origin of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. With an appendix by Daniel C. Waugh. Cambridge, MA, 1971. В советской и мировой историографии аргументы Кинана были признаны не убедительными. Известным советским историком Р. Г. Скрынниковым было составлено подробное опровержение аргументов Кинана, считавшего, что переписка была создана в 20-х

годах XVII века кн. И. Шаховским. См.: *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного с Курбским: Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука. 1973.

31. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. С. 119.
32. Там же. С. 121.
33. Там же.
34. Там же. С. 123.
35. Там же. С. 124.
36. Там же. С. 123.
37. Там же. С. 124.
38. Там же. С. 125.
39. Там же. С. 157–158.
40. Дионисий Ареопагит. Послание Димофилу служителю. Цит. изд. С. 803.
41. Там же. С. 811.
42. Там же. С. 813.
43. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Указ. изд. С. 125–126.
44. См. традиционно относящиеся к дьяволу слова из Книги Исаии: «А говорил в сердце своём: взойду на небо, выше звёзд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14: 13–15).
45. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Указ. изд. С. 129.
46. Там же. С. 120.
47. Там же. С. 153.
48. Не случайно одна из современных английских работ по Corpus Areopagiticum называется «Klitenic Wear S., Dillon J. Dionysius the Areopagite and the Neoplatonist tradition: Despoiling the Hellenes», т. е. обирая или грабя эллинов (Klitenic Wear S., Dillon J. Dionysius the Areopagite and the Neoplatonist tradition: Despoiling the Hellenes. Aldershot; Burlington (VT): Ashgate, 2007.
49. «For Proclus, in the divine procession from the One to the Many, each level of the order, out of its own surplus of being, produces a subsequent and inferior level of being. Being cascades but each level looks to its proximate superior as cause. For Dionysius, God does not have ontological deputies, but „out of goodness established the existence of everything and brought it into being". Creation ordered „theophany", a series of interlocking hierarchies, which communicate not being, but light and love» (*Stang Ch. M.* «No longer I»: Paul, Dionysius the Areopagite, and the Apophasis of the Self. Harvard University, 2008. P. 97).
50. *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. М., 2006. С. 257.
51. Там же. С. 257.
52. Сам этот термин, который теперь употребляется как нечто, само собой разумеющееся, вводит как раз кн. Андрей Курбский.
53. *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Указ. изд. С. 259.
54. Вполне анекдотично на это отреагировали знаменитые псевдо-историки Носовский и Фоменко, заявив, что Иван Грозный и есть на самом деле Нерон. (См.: *Носовский Г.В., Фоменко А. Т.* Раскол Империи: От Грозного-Нерона до Михаила Романова-Домициана. М.: АСТ, Астрель, 2009).
55. *Дюби Ж.* Трёхчастная модель... С. 111.
56. *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2009.
57. Там же. С. 324.
58. Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 341–342.
59. *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. Цит. изд. С. 288.
60. Там же. С. 315.
61. Там же. С. 319–320.
62. *Панченко А.М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 457.
63. *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб.: Издательство С.-Петербургского гос. университета, 2006. С. 520–521.
64. *Панченко А.М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха. С. 465. Отметим, что в данном случае образ Дракулы — положительный. Дракула повести — это не вампир Брэма Стокера, а жестокий, но справедливый государь. Именно справедливость является основным мотивом всех его действий.
65. *Лихачёв Д. С.* Канон и молитва Ангелу Грозному Воеводе Парфения Уродливого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 10–27.
66. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Указ. изд. С. 158.
67. *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. Указ. изд. С. 320.
68. *Добиаш-Рождественская О. А.* Культ св. Михаила в латинском средневековье V–XIII веков. Пг., 1917. С. 392.
69. *Канторович Э. Х.* Два тела короля. Цит. изд. С. 386.
70. *Марион Ж. Л.* Идол и дистанция // Символ. № 56. М. — Париж, 2009. С. 197.
71. Там же. С. 196.
72. Там же. С. 203.



Протоиерей Владимир Гофман

Сыновья

Из рассказов бабушки Маши

Протоиерей
Владимир Гофман

Пятерых ребятишек мне Господь послал. Двоих сынков да три дочки. Младшенькая-то, Катюшка, в семнадцатом родилась — год почти минул, как мужа моего Алексея Иваныча на германскую взяли. Ушёл — и ни весточки, ровно в воду канул. Уж я его ждала. Не верила, что убили. Двое наших-то деревенских вернулись с войны — Павел да Егор. Как праздник, выпьют вина, да и поют:

От павших твердынь Порт-Артура
С кровавых маньчжурских полей
Калека-солдат изнурённый
К семье возвращался своей…

Вот, думаю, и Алёша мой — хоть бы калекой, а вернулся. Истомилась ждать-то. Бабы и присоветовали: сходи, дескать, к Рачихе. Она скажет, что с мужем твоим приключилось.

Старуха у нас жила — Анна Рачиха — в Пустошке, деревня так называлась за лесом, теперь её и следа уж нет. Рачиха, все знали, знахарством да гаданием промышляла.

Ну вот. Думала-думала я и раз под вечер, осенью, помню, дело было, взяла в узелок яичек с десяток и пошла.

Стемнело. Дорога не дальняя, а всё-таки жутко одной-то. Лес по левую сторону. Над ним месяц висит — красный такой, недобрый. Иду — боюсь. Узелок к груди прижала и молитвы шепчу — «Отче наш» да «Богородицу».

Дошла, однако. Изба Рачихи с краю стояла, у оврага. Гляжу — в окошке огонёк. Значит, дома хозяйка. Стучу. Рачиха дверь мне отворяет:

— Проходи. Проходи, Марья-солдатка!

Как, думаю, она меня в темноте-то разглядела? Иду за Рачихой через сени, не видать ничего. Она меня за руку ухватила, цепко так, пальцы у неё холодные, сухие, и ведёт.

В избу вошли. Смотрит на меня старуха, а мне не по себе как-то. Уйти бы, да куда теперь денешься?

— Вот, — говорю, — гостинец тебе принесла, бабушка, а и ты мне помоги.

— Какая от меня, старухи, помочь, милая? — заныла Рачиха.

— Муж мой, Никитин Алексей Иваныч, третий год вестей не подаёт... Как взяли на войну, так и пропал...

— То мне ведомо. А от меня тебе чего надо?

— Погадай, бабушка! До смерти хочу знать, что с Алёшей сделалось... Пятеро ведь у меня, мал мала меньше!..

— Ишь! Любишь, видать, мужа-то? — усмехнулась Рачиха.

Я и заревела тут.

— Ладно, не вой. Такое наше бабье дело — ждать. Не реви, говорю!.. Увидишь сейчас сама всё, да уж не обессудь, коли правда — горькая.

Взяла Рачиха два зеркала, поставила друг против друга и свечи зажгла меж ними. Пока она свечи двигала, устанавливала всё, я глазами икону ищу. Темно в избе-то. Только за занавеской у печи лучина в светце над блюдом коптит. Перекрестилась я потихоньку на левый угол. Тут старуха и говорит:

— Сиди молча, думай про мужа своего и гляди туда, — на зеркало показывает. А в нём навроде коридора видно, свечами освещённого.

— Поняла? — спрашивает Рачиха.

— Поняла, — шепчу, а губы со страху не шевелятся.

— Ну жди.

Долго ли я так-то просидела, не знаю. Вроде и не страшно уж мне, мысли какие-то тягучие. И про Рачиху забыла. А глаза от того коридора в зеркале отвести не могу. Как приковал он меня. Гляжу и не моргну даже. И вот, будто колыхнулось что в глубине. Вижу, явственно так — из тьмы за свечами показался стол, а на нём гроб чёрный. Без крышки. И справа вроде как покров свешивается. Движется тот гроб ко мне — ближе, ближе... Сейчас увижу, кто в нём лежит... Только в ту минуту так-то уж мне страшно сделалось, никогда с того дня страху подобного не знала, что криком я закричала, да бежать! Не помню, как и до дому добралась...

Рассказала бабам то видение. Что, говорят, тут и толковать нечего. Я и сама поняла уж, что нету моего Алёши в живых. Только сердцу не прикажешь — не верит оно в смерть.

Ладно. Поплакала я, помолилась и стала умом своим бабьим раскидывать, как дальше жить. О себе уж не думаю — детишек растить надо. Старшему моему Саше (Александру Алексеевичу, значит, и ему нынче Царство Небесное) тогда лет двенадцать было. По тем временам — помощник: за плугом уж ходил, да и по дому какую работу — всё на нём, сердешном.

Что я? Не про то ведь хотела. Жили не хуже людей. Голоду особого не знали. Земля-матушка прокормит, коли руки есть. Да... Сватались, конечно, и ко мне мужики. Было. Да только нет, как подумаю так, вспомню Алексея Иваныча — и от ворот поворот. Сначала пошёптывались в деревне, а после, гляжу, с уважением ко мне и бабы, и мужики наши. А мне и раздумывать некогда, хозяйство немалое — полон дом ртов, скотина опять же, огород...

Долго-то чего говорить. Выросли мои детушки. Все, как один. Александр женился. Девку хорошую взял, красивую, работящую. Свой дом поставил. Работал в колхозе, тогда уж колхозы образовались. Пять деревень объединили — вот тебе и колхоз «Гудок Октября». Ладно. Другой мой сынок — Ванюша (Иван Алексеич, Царство и ему, соколу, Небесное) — тот по иной части пошёл. Токарем работал в городе, это от нас километров шесть будет. Каждый день туда ходил в завод.

И дочки тоже. Аннушка в артели гладью вышивала, подзоры со скатёрками строчила — любо-дорого. Филя — в колхозе. А Катюшка — эта к учению прилежной оказалась. Вот. Оно бы всё ничего. В доме достаток какой-никакой. Внучок у меня появился. Димитрием назвали, Митюшкой значит. Хороший мальчонка — синеглазый, волосы, как лён, — мягкие. В Никитиных пошёл, в дедушку. У Алексея тоже волосы шелковистые были, светлые...

Выровнялась, будто, жизнь. Да видно, Бог на нас разгневался — война. Опять германец проклятый на Россию двинулся. Александру повестка пришла вскорости. Ну да, сенокос в разгаре был — в июле, значит. Поревели мы с Варварой, невесткой, а что поделаешь?

Провожать Александра в военкомат я отправилась. Да Митюшка увязался. Годов шесть ему тогда минуло. Путь не близкий, лугами вдоль Волги. С полдороги прошли, сынок и говорит:

— Ладно, мама, дальше не ходите.

Я не соглашаюсь: до конца, мол, проводим.

— Нет, не надо. Я быстро пойду. И тебе тяжело, и Митюшка устанет. А вам ещё назад возвращаться. Так что, давайте простимся тут.

Обняла я сынка: сердце-то, как ножом, режет, но не реву, креплюсь.

— Возвращайся, — говорю, — Сашенька, живым и здоровым. Береги себя, а бережёного и Бог бережёт.

Только отпустила я его, перекрестить не успела, как Митюшка на грудь отцу кинулся.

— Папка! Папка, не уходи!

Маленький, а откуда силы взялись. Я его еле оторвала. Тащу за руку, а он вырывается и опять к отцу:

— Папка, не уходи!

Я уж и сама реву, тащу Митюшку, он мне руки в кровь искусал да исцарапал. Кричу Александру:

— Иди, сынок! Скорее иди. С Богом...

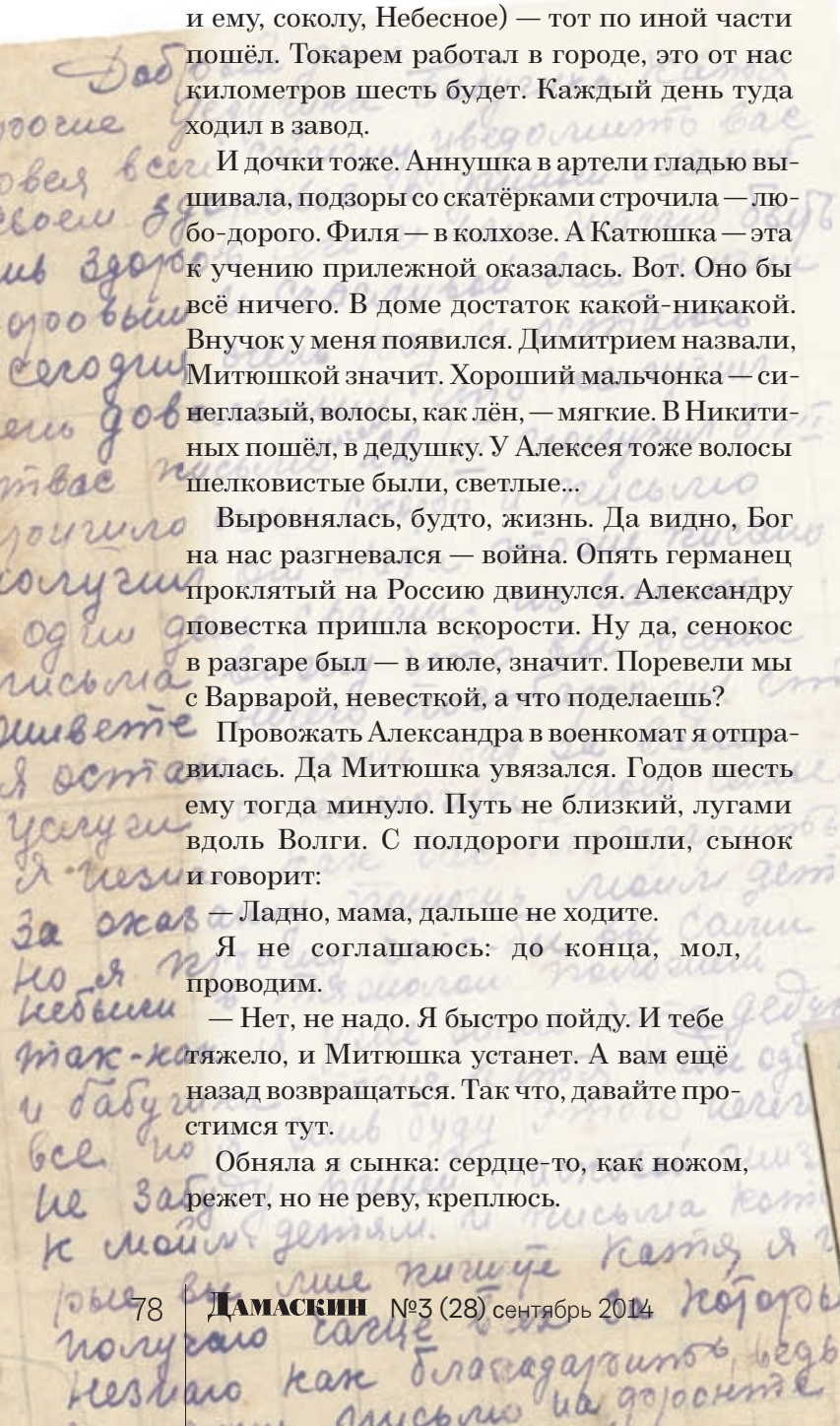
Он зашагал, а Митюшка опять вырывается, догнал его.

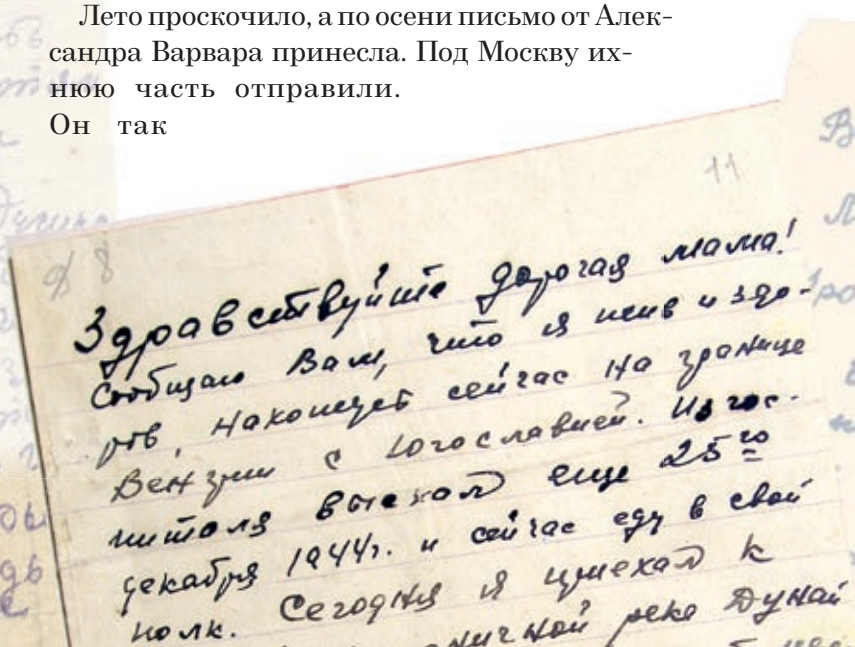
— Папка!

Кричит, захлёбывается. Как чувствовал ведь, что не увидит больше отца-то... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... Не помню, как и справилась с ребятёнком. Дома только в память пришла...

Лето проскочило, а по осени письмо от Александра Варвара принесла. Под Москву ихнюю часть отправили.

Он так





и написал: «Попробовали московских булочек, которые сыпались с неба». Ясно, что за «булочки». Полгода потом писем не было, и вот бумага пришла из военкомата: «Пропал без вести». Надеялись, что живой: в плену, может. Да, видать, ошиблись... Беда, не знаю ведь даже, где могилка сыновняя-то. И есть ли она, могилка?..

А тут и Ванюшка в скором времени на фронт ушёл. Грешна, Господи, а только больше других деток моих любила я его. Самая жаль моя — Ванюшка... Он с малых лет кроткий да ласковый был. Всё в церковь со мной ходил, пение любил церковное слушать. И сам пел хорошо.

От фронта у Вани «бронь» была. С завода. А он уж больно рвался на войну. И ведь что выдумал! Раз утром, гляжу, на работу Ваня мой не собирается.

— Ты что, — спрашиваю, — никак заболел?

— Нет, мама, — отвечает, — не заболел.

А сам всё ходит из угла в угол по избе, табак курит.

— Так ведь строго, — говорю, — ныне. Засудят тебя за прогул-то.

Посмотрел он на меня.

— Засудят. А я того и хочу.

Тут понятно мне стало, чего он надумал. По его и вышло. Три месяца тюрьмы ему дали. А как вернулся, так вскорости и повестка пришла.

Не вернулся с фронта мой сынок. Царство ему Небесное и всем воинам, за землю нашу русскую павшим. Много их перед Господом предстало в ту лихую годину...

Помню, во вторник было, на Фоминой. Пошла я на кладбище: родителей, как водится, помянуть. Самое доброе поминовение на Радоницу-то. Стою возле могилки, а тут моя младшая бежит.

— Пойдём, мама, домой!

— Что ты, Катюшка, чай, я только пришла! Ещё к крёстному на могилку схожу...

— Потом сходишь, пойдём!

Вижу, на ней лица нет, на Катюшке-то. Меня как ударило.

— Али с Иваном что?

Она молчит, за руку меня тянет. Я остановилась.

— Говори!

— Ты, мама, крепись...

— Убили? — спрашиваю, а у самой сердце падает, падает куда-то.

— Убили, — шепчет.

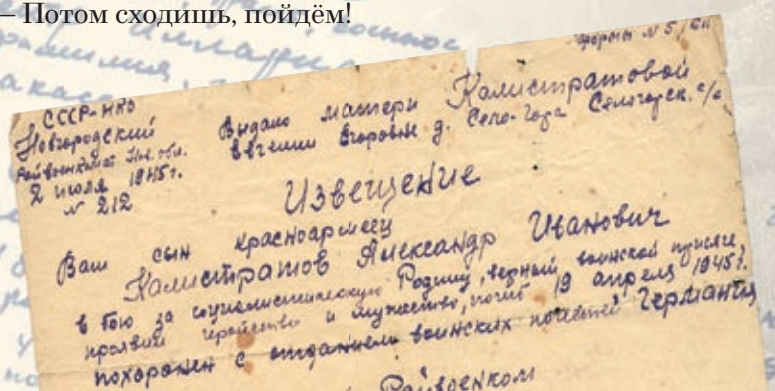
И стала я, ровно каменная. В груди огнём палит, а слёз нету. Пришли домой. Дочери сидят и Варвара с ними. Письмо на столе лежит. Я читать не стала, молчу. Пол подмела, у печки управляюсь. Аннушка мне и говорит:

— Поплачь, мама, легче станет. Нельзя так-то...

Кабы могла поплакать-то! Уж потом прорвало. Пошла корову доить. Тут вспомнила, как Ванюшка мой молоко парное любил. Подойник уронила, уткнулась коровушке моей в бок, обняла за шею и дала слезам волю...

Умер Иван Алексеич в госпитале. Два раза его в бою ранило. В суматохе ему укол против столбняка забыли сделать, от того и помер. Страшная, говорят, смерть, от столбняка-то. Все кости у человека ломает при полном сознании...

Схоронили его в селении Крестцы Новгородской области. В могиле номер три лежит. На обелиске имя его есть, мне из военкомата Крестецкого писали. Знать, много там могил, коли номера. Не зря их братскими называют. А как же — все они братья, кто в бою погиб. Значит, и сынки мои. Так выходит. А я вот и съездить на могилку не могу. Куда слепой-то? Только и есть, что помянуть в молитвах ко Господу. Простите мне, соколики!..


Извещение

Содержание

Редакционная колонка

1 Слово главного редактора

Живой опыт в живых словах

2 245 лет ордену Святого Георгия

4 Время героев близко

10 Мужественность и героизм

20 Образ эпического героя и сущность героизма

24 Мужество нравственного и духовного подвига

В гостях у журнала «Дамаскин»

28 Встреча с настоящим человеком

События жизни духовной школы

39 Паломничество на Святую землю

54 Новый учебный год в Нижегородской духовной семинарии

Перо в руках семинариста

40 Внутреннее паломничество

44 «Там Господь проходил»

46 Святая земля — живая Библия

48 Божия благодать не оставляла нас

Вера от слышания

50 Любовь не ищет своего

Разрывы и связи

55 Ангелы Дионисия и политическая теология царя Ивана IV Грозного

Литературные страницы

75 Сыновья. Из рассказов бабушки Маши